

Геополитика

Информационно-аналитическое издание

Тема выпуска:

Терроризм

Выпуск XXV

Москва 2014 г.

Геополитика.
Информационно-аналитическое издание.
Выпуск XXV, 2014. — 96 стр.

Главный редактор:
Савин Л. В.

Научно-редакционный совет:
Агеев А. И., докт. эконом. наук
Добаев И. П., докт. философ. наук
Дугин А. Г., докт. полит. наук
Комлева Н. А., докт. полит. наук
Майтдинова Г. М., докт. истор. наук
Мелентьева Н. В., канд. философ. наук
Попов Э. А., докт. философ. наук
Черноус В. В., канд. философ. наук
Четверикова О. Н., канд. ист. наук
Альберто Буэла (Аргентина)
Тиберио Грациани (Италия)
Мехмет Перинчек (Турция)
Матеуш Пискорски (Польша)

© — авторы.

Адрес редакции:

121087, Москва, Багратионовский проезд, дом 7, корп. 20 "В", офис 405.

тел. (495) 514 65 16

факс (495) 926 68 11

Geopolitika.ru@gmail.com

www.geopolitika.ru

СОДЕРЖАНИЕ

СОЗДАТЬ СЕТЬ.....	5
<i>Джон Аркилла</i>	
СТРАТЕГИЧЕСКИЙ ТЕРРОРИЗМ.....	16
<i>Леонид Савин</i>	
ИДЕОЛОГИЧЕСКОЕ ОБОСНОВАНИЕ ТЕРРОРИЗМА В МИРЕ И НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ.....	24
<i>Игорь Добаев</i>	
ДОМОРОЩЕННЫЙ ТЕРРОРИЗМ — ТИКАЮЩАЯ БОМБА РОССИИ.....	40
<i>Александр Фишер, Майя Отарашвили</i>	
МИРОВОЙ ТЕРРОРИЗМ: ИСКУССТВЕННЫЙ СТРАХ СОВРЕМЕННОСТИ.....	48
<i>Антон Закутин</i>	
РАДИКАЛЬНЫЙ ИСЛАМИЗМ НА УРАЛЕ.....	51
<i>Дмитрий Попов, Алексей Старостин</i>	
УГРОЗЫ ИСЛАМИЗМА В ЧЕЛЯБИНСКОЙ ОБЛАСТИ: МИФ ИЛИ РЕАЛЬНОСТЬ?.....	55
<i>Елена Сытых</i>	
ТУРЦИЯ И ВОЙНА С ИСЛАМСКИМ ГОСУДАРСТВОМ: ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЭКОНОМИЧЕСКИЙ АСПЕКТ.....	62
<i>Михаил Бакалинский</i>	
ИСЛАМСКИЙ ФУНДАМЕНТАЛИЗМ И УКРАИНСКИЙ НАЦИОНАЛИЗМ: ОБЩИЕ ЧЕРТЫ И ПРИЧИНЫ ПОДДЕРЖКИ ВНЕШНИМИ СИЛАМИ.....	74
<i>Максим Исаев</i>	
ТРАНСНАЦИОНАЛЬНЫЕ ТЕРРОРИСТИЧЕСКИЕ СЕТИ КАК ИНСТРУМЕНТ МЕЖДУНАРОДНОЙ ПОЛИТИКИ.....	89
<i>Владимир Киреев</i>	

Создать Сеть

*Джон Аркилла
Научный сотрудник Министерства обороны США*

Фундаментальным аспектом (трендом) времени Холодной Войны была гонка вооружений, направленной на создание ядерного оружия. Однако, в долгой, зачастую скрытой, войне против Аль-Каиды и связанных с нею организаций, которая всерьез началась после 11.09.2001 г., движущей силой была и остается «Организационная гонка» по созданию сетей. Становится все более очевидным, что новейшие достижения в области информационных технологий существенно усилили разобщенные, не связанные между собой группы, в большей степени объединенные между собой общей целью, нежели каким-либо центральным управлением. Согласно мнению Дэвида Винбергера, сети, особенно представленные в web (internet), состоят из «небольших, слабосвязанных групп». Дэвид описывает сегодняшнюю Аль-Каиду как ядро группы, сформированное вокруг Усамы бен Ладена и Аймана аль-Завахири, которое со временем обросло рассредоточенными на большой территории, относительно независимыми ячейками и их суб-центрами.

Таким образом, крупнейшая в мире террористическая сеть живет до сих пор, несмотря на усиленные попытки ее уничтожения в течение дюжины лет. В итоге, как выразился Леон Панетта, «находясь далеко от края стратегического поражения», Аль-Каида успешно существует благодаря практическому отсутствию централизованного управления. Таким образом, даже целенаправленное убийство любого количества высокопоставленных членов организации, включая, конечно, самого бен Ладена, в итоге имеет незначительное влияние на жизнеспособность и дееспособность организации. Таким образом, сегодня американские вооруженные силы опять возвращены в Ирак для борьбы с порождением Аль-Каиды — ISIS, и страна находится в огне. В Сирии, Аль-Каида, ISIS и другие возглавляют сопротивление против режима Асада; в Ливии они принимали участие в свержении Муаммара Каддафи; и многие были вовлечены, по крайней мере косвенно, в унижении США посредством нападения на американскую дипломатическую миссию в Бенгази. Сеть Аль-Каиды осуществляет свою деятельность и во многих других регионах: Алжир, Мали, Мавритания, Нигерия, Сомали, Йемен — и это далеко не полный список.

Дело выглядит так, как будто смерть бен Ладена открыла новые горизонты для Аль-Каиды, которая стала глобальной сетью боевиков, что описывал Абу Мусаб ас Сури — ее идеологический лидер в своем призыве глобального исламистского сопротивления. В течение нескольких последних лет Аль-Каида получила

большинство характеристик из «призыва» Сури. Он был схвачен в Пакистане в 2005 и передан режиму Асада. Согласно слухам аль Сури был освобожден в результате мятежа в Сирии, но эта версия не подтверждена публичными доказательствами. Но вряд ли это имеет значение. Как он сам, бесспорно, сказал бы — концепция сети без явной управленческой структуры — вот что важно. Нет нужды иметь «великого лидера» во главе организации. Отсутствие формальной вертикали управления позволяет уходить от ответственности, и как нельзя лучше подходит для «грязной сети» террористов. Как Сури поясняет в своих работах — чем более плоской является сеть, тем лучше.

Очевидно, что Аль-Каида сделала упор на «организационную гонку» по созданию сетей. Факт, что террористы настолько хорошо преуспевают в создании сетей, является предметом изучения и беспокойства для меня и моего партнера по исследованию Дэвида Ронфелдта на протяжении последних двух деkad. Еще в 1990-х гг., когда угроза от террористических сетей только зарождалась, мы призывали противостоять этой угрозе в великом конфликте между государствами и сетями и предупреждали, что привычная иерархическая структура государств окажется малоэффективной в противостоянии с сетями. Таким образом, еще на ранней стадии мы видели необходимость включиться в «организационную гонку», начав строить нашу собственную сеть. Наша основная мысль — «чтобы противостоять сети, нужна сеть». Многие стали повторять эту мантру только спустя 18 лет после того, как мы ее впервые озвучили, в том числе американский генерал Стэнли МакКристал, возможно являющийся наиболее ориентированным на сети из всех американских военных лидеров. К сожалению, кто-то из его подчиненных разболтал некоторые из его комментариев о высокопоставленных политических лидерах, что привело к его отставке. Таким образом, голос в пользу следования «сетевому» курсу был заглушен, что явилось ужасным ранением, нанесенным самому себе, от которого военные силы США до сих пор полностью не оправались.

И эта проблема касается далеко не только вооруженных сил. В области разведки, например, наиболее значимым преобразованием, проведенным после событий 9/11, было добавление еще одного уровня управления в существующей иерархии путем создания Управления Национальной Разведки. Члены комитета, которым было поручено, президентом и конгрессом, найти эффективное средство исправления недостатков, которые позволили случиться атакам на Америку в 2001 г., были в полном согласии, что необходимо значительно улучшить внутриорганизационное взаимодействие и совместное использование информации. Тем не менее, их рекомендацией стало создание очередного органа, что только усилило централизацию управления.

Другим существенным изменением организационной структуры в правительстве США было создание Департамента Внутренней Безопасности — еще

одной громоздкой и неповоротливой организации. Ее огромный размер и сложность сыграли свою негативную роль в медленном и неадекватном реагировании на чрезвычайную ситуацию, вызванную ураганом «Катрина» в 2005 г. Но если государственные учреждения и департаменты не преуспели в овладении искусством построения сетей, то вооруженные силы, напротив, продемонстрировали все возрастающие навыки в данном направлении.

Некоторые военно-ориентированные примеры построения сетей

Учитывая, что маленькие, но ключевые группы государственных и военных лидеров согласны с концепцией, что лучшее средство противодействия вражеской сети — это своя собственная сеть, ключевой проблемой стал вопрос — как именно строить сеть. Опыт создания Управления Национальной Разведки и Департамента Внутренней Безопасности подсказывает, что секреты создания успешной сети, скорее всего, лежат за рамками привычных иерархически управляемых структур. И бесспорно, даже поверхностное изучение вопроса позволяет быстро увидеть интересный результат, который заключается в том, что контртеррористические сети существенно продвинулись и достигли весьма впечатляющих результатов.

Одной из малоизвестных, но довольно успешных сетевых кампаний является сеть, сформированная на базе Французского Иностранного легиона, лагерь Lemoonnier, в Джибути, на Африканском Роге (одно из названий полуострова Сомали в Восточной Африке). Здесь всего несколько тысяч солдат и гражданских ведут свою деятельность, совместно со многими департаментами правительства США, по устранению террористических сетей и самих террористов. Репортеры Нью-Йорк Таймс Эрик Шмитт и Том Шанкер внимательно изучили работу этой сети и описали ее следующим образом:

«Данная миссия, до удивительной степени, связала вместе всю структуру национальной безопасности. Офицеры здесь говорят об очень высоком уровне кооперации между обычными частями вооруженных сил, более секретными операционными группами и американской разведкой.

После декады антитеррористической деятельности, участия в гуманитарных миссиях и саперской деятельности, сеть в Джибути — на ранних стадиях чуть не закрытая Пентагоном вообще — в конце концов заслужила официальное признание и рассматривается сегодня как «Центральный элемент в растущем числе (с пол дюжины) баз наблюдения в Африке, созданных для борьбы с террористическими группами нового поколения по всему континенту, от Мали и Ливии до Центральноафриканской Республики».

Короче говоря, лагерь Lemoonnier сегодня является ключевым элементом в сети, которая объединяет в себе гражданских и военных представителей США

и ее союзников в войне против Аль-Каиды и связанными с нею организациями. И достигнутые результаты, учитывая относительно небольшие человеческие и просто мизерные материальные ресурсы (по сравнению с потраченными ресурсами в том же Афганистане), являются довольно таки внушительными. С поразительной экономией сил, операция в Джибути играла ключевую роль в помощи нанесения сокрушительного удара Аль-Каиде и ее соучастников в Сомали, Йемене и других регионах, которые входят в область ее ответственности.

Двигаясь от Африканского Рога до Филиппин, можно найти другой хороший пример успешной работы сети. В составе примерно 600 военных, Объединенная Группа по Выполнению Специальных Задач — Филиппины (CJSOTF-P — Combined Joint Special Operations Task Force — Philippines), работала совместно с вооруженными силами Филиппин по нанесению сокрушительного удара по Исламскому Либеральному Фронту Моро (Moro Islamic Liberation Front) и причастной к ней, но еще более криминально-ориентированной Группы Абу Сайаф (Abu Sayyaf Group). Кроме успехов в контртеррористической деятельности, CJSOTF-P также играла ключевую роль в помощи по завершению гражданских проектов по строительству школ, дорог и медицинских учреждений. Ее работа также заслужила похвалы со стороны неправительственных организаций. Марк Шнейдер, старший вице-президент Международной Кризисной Группы, рассматривает CJSOTF-P как «историю успеха, особенно с точки зрения победы за сердца и умы, за счет участия в гражданских акциях и проектах медицинской помощи».

Другим ключевым успехом сети является Ирак. С начала массовых восстаний, которые начались в августе 2003 г., уровень жестокости со стороны бунтующих по отношению к гражданскому населению Ирака возрос существенно к 2006 г., и привел к ситуации, когда около сотни людей убивалось ежедневно. Тем не менее, к концу 2008 г. уровень жестокости упал и количество убиваемых гражданских снизилось на три четверти, примерно к уровню 9000 в год. И количество несчастных случаев резко снижалось, до тех пор, пока американские войска не покинули Ирак в 2011 г. Однако, как только американцы вышли из Ирака, уровень жестокости немедленно возрос снова, и в 2013 г. дошел до наихудших показателей за последние пять лет. Общепринятым мнением, почему ситуация резко улучшилась семь лет назад, является решение президента Джорджа Буша отправить дополнительные 28,000 солдат в Ирак, чего в итоге оказалось достаточно, чтобы эффективно противостоять боевикам.

Но Иракская кампания — это было не просто высылка дополнительных бригад. Произошло критически важное смещение фокуса на применение новой концепции, основанной на идее выноса нескольких дюжин больших баз на передовую территорию, на которых размещалось большинство американских солдат, и затем переброска этих солдат, в размере взводов — совместно с примерно одинаковым

количеством дружественных иракских солдат — на более сотни блокпостов, на территории, где уровень жестокости был наихудшим. Таким образом, была организована физическая сеть, состоящая из множества мелких элементов, что позволило снизить время реагирования на атаки, улучшить процесс сбора оперативной информации и, в общем, улучшить отношения с населением.

Физическая сеть баз была продолжением социальных сетей, растущих за счет суннитских повстанцев, противостоящих оккупантам годами. Около 80 000 человек перешли на их сторону, став «Сынами Ирака», что сформировало мощное движение «Awakening Movement», вбившее клин между Аль-Каидой и иракским народом. Такой подход позволил достичь показанного результата без привлечения больших сил — в каждый момент времени на этих блокпостах находилось не более 10% личного состава, плюс еще около 10% задействованных в их снабжении и защите, если потребуется. Ключом же здесь просто была готовность мыслить категориями сетей, и применять данный принцип военными и их командирами на всех уровнях.

К 2008 г., когда волнения значительно приутихли, всем стало очевидно, насколько эффективными оказались принятые меры по подавлению боевиков. Ключевым моментом здесь было организовать физическую сеть блокпостов размером для одного взвода и постоянно иметь контакт с иракским населением. Сеть явилась средством «высвечивания и устранения» вражеской сети. Генерал Петрэус лучше всех выразил эту мысль в своем командном инструктаже в 2008 г.:

Вы не можете ездить на бой издалека. Разместите совместные станции безопасности, военные блокпосты и патрульные базы в том районе, который мы собираемся защищать. Возможность жить среди людей является неотъемлемой частью их защиты и умирения боевиков.

Мы не можем позволить себе проиграть в этой битве. Мы и наши иракские партнеры должны распознавать и различать «примиряемых» и «не примиряемых» через вовлеченность. Мы должны стремиться привлекать примиряемых к решению проблемы, обнаруживая и уничтожая при этом не примиряемых.

Уничтожайте вражеские сети. Тренируйте себя распознавать сети.

Таким образом, была построена сеть, которая уничтожала сеть Аль-Каиды в Ираке и снижала уровень жестокости годами, до тех пор, пока Америка не отозвала свои войска и последовавшего за этим отчуждения суннитов иракским правительством, что дало террористам возможность вернуться.

Построение сетей от Византии до Битвы за Англию

Очевидно, что центральным принципом в построении сетей является создание большого количества маленьких ячеек, которым позволено действовать относительно свободно, в русле достижения общей цели — без наличия прямого

центрального управления в какой-либо степени. Несмотря на то, что примеры построения сетей, рассмотренные в предыдущих секциях, являются интересными и ценными, необходимо также заглянуть в историю, чтобы почерпнуть идеи о создании сетей. «Взгляд назад» является очень эффективным способом «заглянуть вперед». Это можно сделать путем поиска в истории примеров создания систем, состоящих из большого количества маленьких ячеек или «групп реагирования». И, несмотря на то, что таких примеров не много, они все-таки есть.

Стратегия безопасности Византии немедленно приходит в голову. Константинополь пережил Рим на тысячи лет. Как? Частично путем более рационального использования своих ресурсов. Столетиями продолжительная восточная сухопутная граница — западная часть империи, поддерживаемая византийскими морскими силами, постоянно подвергалась налетам и вторжениям. Здесь никогда не хватало войск, чтобы держать эшелонированную оборону по всему периметру. Поэтому вместо этого византийцы использовали протяженную систему маленьких башен, миссией которых было обнаруживать и передавать информацию о вторжении — курьерами, «сигнальными» зеркалами, огнем ночью и дымом днем — военным частям, где наступательная кавалерия находилась в боевой готовности. Таким образом, атакующие имели очень небольшой эффект от неожиданности появления, и вскоре окружались со всех сторон силами быстрого реагирования.

«Боевой устав» того времени, десятого столетия, четко говорит о том, что сетевая защитная система — в виде башенной системы оповещения, которую византийцы выстраивали вдоль границ своей империи — также может использоваться и для наступления. Недавние исследования Эдварда Лютвака, изучающего эти системы, привели его к заключению, что они ознакомили эпоху «военного ренессанса» тысячу лет назад, что дало Византийской империи новый виток жизни. Как точно высказался Лютвак об их проактивной стратегии, «цель — достичь большего с меньшими ресурсами, путем внезапного нападения относительно маленькими силами, которые увеличивают свои возможности за счет эффекта неожиданности». Бернард Монгометри, один из великих капитанов XX века, очень восхищался способностью византийцев использовать тактику «роя» как для защиты, так и для нападения, отмечая насколько успешной является сеть гарнизонных укреплений и мобильных ударных отрядов против всякого рода врагов — от аваров до арабов.

В современной истории также есть примеры, весьма схожие с византийской сетью — например защитная система, предложенная главным маршалом авиации ВВС Великобритании Хагом Доудингом — чье командование истребительной авиацией одержало победу в «Битве за Англию» в 1940 г. Немецкие вооруженные силы, вдохновленные серией победоносных блицкригов, завершившихся падением Франции, обнаружили, что не могут пересечь Английский

канал (пролив Ла-Манша) — поэтому вместо этого была предпринята попытка покорить Англию бомбежками с воздуха. Предвоенные оценки Англии потенциала разрушений при стратегических бомбардировках с воздуха были весьма внушительными, поэтому имели место многочисленные дебаты, какую военную доктрину и организационную форму лучше применить для обеспечения обороны. Одной из основных точек зрения представляла школа «Большие крылья» («Big Wings»), согласно которой необходимо было собрать как можно больше оборонительных сил путем создания боевых летных единиц, включающих три эскадрильи, общим количеством 75-90 самолетов — против вражеских бомбежек. Проблема с данной системой включала два аспекта: во-первых, лидеры Люфтваффе («Luftwaffe» — военно-воздушные силы гитлеровской Германии) очень умно выбирали цели для бомбежек, зачастую меняя направление полета после пересечения британского побережья; и, во-вторых, даже если цели бомбежек были бы известны, «Большим крыльям» потребовалось бы много времени для сбора в одном месте с разных рассредоточенных аэродромов. Одним из подчиненных Доудингу командиров — и ключевым помощником — был вице-маршал ВВС Кейт Парк, который возражал, что компоновка большого количества летных машин будет стоить непоправимой траты времени и будет чересчур громоздкой.

Вместо такого подхода, Доудинг и Парк предпочли позволить отдельным эскадрильям, по две дюжины машин в каждой, контратаковать большие атакующие группы бомбардировщиков противника, и их военный эскорт — независимо, как только информация о немецких намерениях поступала с одной или нескольких из сорока радиолокационных станций, размещенных вдоль побережья и подтверждалась соответствующими блокпостами, формирующими тысяче-элементную сеть Observer Corps (организация в Англии, 1925 — 1995 гг., состоявшая из гражданских добровольцев), развернутую по всему Юго-востоку Англии.

Далее история показала, что Доудинг и Парк оказались правы — сетевой подход победил. Однако, Доудинг, который имел кличку «нудный» («stuffy»), нажил себе много врагов и как только кризис прошел, был уволен. Премьер министр Уинстон Черчилль и большинство британских военных лидеров высшего ранга, может, и не оценили по достоинству, и не наградили Доудинга за его достижения, но вот официальные немецкие военные документы свидетельствуют, что Люфтваффе правильно понимали, как и почему их кампания провалилась:

Защита заранее предупреждалась о каждой атаке посредством целостной системы радиолокационных станций, что практически не давало достичь фактора неожиданности. Это, и плюс комплексное наземное управление, спасло британские истребители от уничтожения и предотвратило победу Германии.

Для 30 000 гражданских добровольцев из Observer Corps — каждый из которых являлся маленькой ячейкой в огромной сети дальнего обнаружения, сформированной для помощи в защите их страны от воздушных атак — эта история

закончилась лучше, чем для Доудинга. Они отказались от оплаты за их помощь; но зато в апреле 1941 г. король George VI переименовал их в Royal Observer Corps (Royal — королевский) в знак признания их вклада в победу в «Битве за Англию».

Системный подход в создании сетей

Из вышеприведенных примеров — как недавних и текущих, так и более ранних, должно быть видно, что задача построения сетей не требует привлечения алхимии. Фундаментальные принципы организации, как выразился Винберг, «небольших, слабосвязанных групп», достаточно прост — при условии, что мощный принцип «много маленьких» рассматривается и принимается. Но, конечно же, для построения сильной и эффективной сети, нужно еще много чего. Дэвид Ронфелдт и я выделяем еще четыре дополнительных аспекта, кроме организационной структуры, которые должны быть учтены при построении сети: легенда (narrative), социальная база, операционная доктрина и необходимое технологическое обеспечение.

Легенда (narrative) — это история, которая приводит людей в сеть, и удерживает их в ней, даже несмотря на сопутствующие трудности. Из примеров, приведенных в данной статье, наиболее ярким, пожалуй, является Иракское движение «Awakening Movement», где вся анти-повстанческая сеть побуждалась и вдохновлялась легендой о том, как члены Аль-Каиды эксплуатировали иракцев, и как коалиционные силы (США) приходили на помощь людям, чтобы защитить их и освободить. Показателем эффективности этой легенды был факт, что многие десятки тысяч вступили в «Сыновья Ирака» в поддержку этого движения. Резкое снижение жестокости — упомянутое выше — которое вскоре последовало, также является еще одним индикатором, что эта легенда имела позитивный эффект.

Что касается социального аспекта процесса построения сетей, здесь большой задачей является организация совместной работы участников из зачастую сильно различающихся (культурных и социальных) слоев общества, и заставить их быть лояльными к сети. Военные силы большинства стран призывают новобранцев из всех слоев общества и «связывают» их идеей «службы для нации». Террористические организации, типа Аль-Каиды, делают то же самое, с той разницей, что они прививают лояльность к самой сети. В случае с Аль-Каидой и ее сателлитов, это зачастую достигалось путем эксплуатации религиозных и родственных связей. Государства-нации редко имеют равные по силе социальные связи; и социальная связка затрудняется еще больше тем фактом, что члены сетей, как правило собранные из различных организаций, служб или различных правительственных департаментов, продолжают в большей степени быть лояльными именно тем организациям, откуда они пришли.

Иметь дело с социальными компонентами не просто, но я бы сказал, что Командование Специальных Операций (SOCOM — U.S. Special Operations Command) является примером успешного создания чувства общины среди военных элит, собранных с различных служб. Несмотря на то, что все из них имеют внешние, удерживающие их связи, тем не менее, в это же время здесь присутствует критически важное чувство социального братства и доверия, которое мало зависит от цвета их униформ.

Текущими трудностями для SOCOM на данном социальном уровне построения сети являются:

Воспитывать сильное чувство общей идентичности среди членов недавно созданного Корпуса морской пехоты Командования Специальных Операций США (MARSOC — United States Marine Corps Special Operations Command);

Создавать похожие социальные связи с международными военными элитами с целью движения в сторону «глобальной сети специальных операций», что адмирал Уильям МакРавен сделал основным элементом долгосрочной стратегии SOCOM. Как он сам сказал в июне 2013 г., когда его план был впервые озвучен:

Для начала мне нужно получить все необходимое в военном плане, затем необходимо очень быстро собрать людей для сети, и далее со всем этим очень быстро привлечь наших партнеров и союзников.

Очевидно, что он понимал, что для построения сети требуется очень качественная социальная основа.

Доктрина, или операционная концепция, которую используют сети любого вида — от массовых движений типа «Арабская весна», до восстаний, и даже стандартных военных операций — это уметь «роиться». Их многочисленные маленькие элементы приобретают привычку собираться вместе, зачастую из различных частей света, в каком-либо определенном месте. Для социального «роения» может подойти «Сквер Тахрир»; для сетей блокпостов по подавлению восстаний, точка сходимости может занимать большее операционное пространство — как это было в провинции Анбар в Ираке несколько лет назад. Даже примеры из недавней истории, рассмотренные в этой статье выше, так или иначе использовали тактику «роения». В обоих случаях, как византийцы на их восточном фронте, так и Королевские военно-воздушные силы в «Битве за Британию», использовали тактику «роения». «Роящиеся» сети. Если вы намереваетесь построить сеть, убедитесь, что она имеет достаточную мощность для «роения».

Технологическое обеспечение является последним фундаментальным элементом в построении сетей. Критически важно, чтобы средства связи обеспечивали достаточную пропускную способность и высокий уровень безопасности. К сожалению — с антитеррористической точки зрения — Аль-Каида и ее союзники научились использовать интернет полномасштабно и безопасно. Сеть наций, объединившихся в борьбе против терроризма, имеет

достаточный уровень пропускной способности средств связи, но еще не достигла достаточного уровня их безопасности для обеспечения наибольшей эффективности действий. Византийцы предлагают интересный пример на этот счет: когда они хотели сообщить о внезапном нападении так, чтоб нападающие об этом не знали, они использовали самих нападающих как источник сигнала (вибрация земли от их движения) — заявляя, что дым от огневых сигналов также предупредит и их врагов. В некоторых случаях меньше технологий означает более высокий уровень безопасности.

Но даже с наилучшими и безопасными средствами связи, сеть будет неэффективной, если она спроектирована иерархически-вертикально вместо горизонтальной ориентации, для увеличения связей среди многих маленьких элементов, что является атрибутом хороших сетей. Таким образом, завершая тему ключевых факторов в построении сетей, мы вернемся к теме «небольших, слабосвязанных элементов», чтобы подчеркнуть, что организационный дизайн является наиважнейшим аспектом. Если организационная структура будет неправильной, даже наилучшая легенда и крепкая, доверительная социальная база будут малоэффективными.

Будущее сетей

Очевидно, что попытки адмирала Уильяма МакРавена по созданию глобальной сети по выполнению специальных операций, являются самым масштабным и самым передовым опытом в данном направлении на сегодняшний день. Но другая интересная кампания по построению сети формировалась, хотя и уступающая по размеру, в Афганистане. Концепция *village stability operations (VSO)*, которая там разрабатывалась, была, по сути, упражнением по построению сети. Основная идея там была очень похожей на систему построения блокпостов в Ираке в 2006 г.: маленькие американские отряды жили среди местных афганцев и вели свою деятельность из их деревень.

Концепция VSO косвенно подтверждает, что подход построения сети «расходящейся-из-центра» должна заместить «сходящейся-в-центр» подход. Согласно изначальному плану необходимо было иметь в наличии более ста таких «маленьких групп», но эта цель пала жертвой желания администрации Обамы уйти из Афганистана как можно скорее. Возможно, события в Ираке подтолкнули к некоторому переосмыслению, и изначальный план будет восстановлен. В то время как одни скептически относятся к идее, что сетевой подход, примененный в Ираке, мог бы так же хорошо проявить себя в Афганистане, другие убедительно возражают, что наиболее важным, практическим уроком из Ирака является вывод, что «противостоять сети может лишь сеть».

Таким образом, гипотеза о ценности построения сети в борьбе против террористов и бунтарей проходит весьма суровую проверку на практике как раз в этот момент в Афганистане. Не правда ли, было бы полезно, если бы такой же тест можно было бы провести ближе к дому — например, в области государственного управления. Учитывая, насколько невысокой степенью свободы обладают выбранные госслужащие, возможно, можно было бы попробовать пересмотреть организационную структуру правительства. В этом плане имеется даже что-то вроде дорожной карты, благодаря работам Леона Фирца, бывшего советника по национальной безопасности вице-президента Аль-Гора.

С 2001 г. доктор Фирц исследовал возможность перевода принципов работы американского госаппарата на более сетевую модель — и по ходу дела создал свою собственную сеть экспертов. Работа его команды учитывает все пять факторов построения сети, которые я и Дэвид Ронфелдт считаем критически важными. Таким образом, в дополнение к глобальной инициативе Уильяма МакРавена, а также строящейся VSO-сети в Афганистане, я бы очень рекомендовал провести третий эксперимент в построении сетей, на основе идей Леона Фирца об «упреждающем государственном управлении».

Учитывая доказательства, приведенные в данной статье об успешных примерах построения сетей — как в недавнем, так и в более отдаленном прошлом — а также явные доказательства того, что боевики и террористы с огромной скоростью расширяют и развивают свои сети, мы можем только надеяться, что наши лидеры примут соответствующее решение по вступлению в «организационную гонку».

Стратегический терроризм

Леонид Савин

Главный редактор журнала «Геополитика»,
руководитель Управления социально-политических исследований Института
экономики и законодательства.

После 2001 г., когда США объявили о начале войны с террором, появилось большое количество исследований, посвященных этой теме, среди которых фигурировал новый нарратив — стратегический терроризм. Это связывали, прежде всего, с изменением формы самих террористических организаций, которые стали транснациональными и даже установили между собой сотрудничество. Кроме того, терроризм также имеет много общего с герильей (повстанческой войной), а для любой войны нужна своя стратегия, адекватная для своего места и времени. Терроризм является и особой формой психологической борьбы, битвой за умы с помощью воли.¹ И данная формулировка отсылает к классикам военной мысли от Фукидида до Клаузевица.

С другой стороны, восприятие наличия постоянных угроз от террористических организаций вынудили ряд правительств сформировать стратегию² по борьбе с терроризмом, которая затрагивала страны, регионы, правительства, организации, религии, этносы и бизнес компании.

И если раньше терроризм считался определенной девиацией, отклонением от стандартных форм насилия, которое регламентировано нормами международного права и всяческими конвенциями, то теперь существует мнение, что это новая норма, которую нужно понимать и иметь дело.

П. Нойман и М.Л.Р. Смит утверждают (кафедра военных исследований Королевского колледжа Лондона), что терроризм — даже тот, который попадает под разновидность «нигилистического» — не обязательно попадает в сферу ненормальности... Терроризм должен более адекватно рассматриваться как военная стратегия.³

Авторы считают, что только путем изучения динамики стратегического терроризма можно создать необходимую концептуальную основу, с помощью которой прийти к полному пониманию роли террористического насилия в походах

¹ Gerard Chaliand, *Terrorism: From Popular Struggle to Media Spectacle* (London: Saqi Books 1987).

² NATIONAL STRATEGY FOR COMBATING TERRORISM. February 2003. https://www.cia.gov/fr/cia-the-war-on-terrorism/Counter_Terrorism_Strategy.pdf

³ Peter R. Neumann, M. L. R. Smith. Strategic terrorism: The framework and its fallacies. *Journal of Strategic Studies*, 2005, 28: 4, 571 — 595

некоторых групп, которые вышли за пределы использования стратегического терроризма в продвижении своих целей.

Можно описать терроризм как преднамеренное создание чувства страха, как правило, с использованием или угрозой применения символических актов физического насилия, с целью влияния на политическое поведение выбранной целевой группы. Это определение опирается на работу по Т.П. Торнтону¹, чьи исследования представляют собой один из наиболее информативных и проницательных анализов терроризма.

В ней подчеркиваются три аспекта этого явления:

- Насильственное качество большинства террористических актов, что отличает программу террора от других форм ненасильственной пропаганды, например массовых демонстраций, листовок и т. д. Действительно, хотя люди иногда испытывают страх и беспокойство без угрозы физической расправы, по-видимому, наиболее распространенным средством для побуждения террора являются формы физического насилия.
- Природа самого насилия. Торнтон называет ее «экстра-нормальной», и это означает, что для определенного уровня организованного политического насилия, чтобы его назвать терроризмом, он должен выходить за рамки норм насильственной политической агитации, принятой в данном обществе.
- Символический характер акта насилия. Теракт будет означать более широкое значение, чем непосредственные последствия самого акта; то есть ущерб, смертельные случаи и травмы, вызванные актом, имеют ограниченное отношение к политическому посланию, с помощью которого террористы надеются установить коммуникацию. По этой причине, террористический акт может быть понятен только при оценке его символического содержания или «послания».

Кроме того, у спланированной террористической кампании существуют определенные этапы реализации.

Дезориентация является важной задачей и соответствует первому этапу террористической кампании. Террористы полагают, что их действия произведут отчуждение власти, выставив их недееспособными в деле защиты своих граждан. Чтобы достичь этого, уровня нужно нарушить нормальный режим социального взаимодействия, доведя эскалацию насилия до уровня, когда станет ясно, что власти не в состоянии предотвратить распространение хаоса.²

---

¹ Т.П. Thornton, «Terror as a Weapon of Political Agitation» in Harry Eckstein (ed.), *Internal War: Problems and Approaches* (New York: Free Press 1964) pp.71–99

² Peter Knauss and D.A. Strickland, 'Political Disintegration and Latent Terror', in Michael Stohl (ed.), *The Politics of Terrorism* (New York: Marcel Dekker 1979) p.77.

Нужно отметить, что здесь обнаруживается определенный парадокс. В то время как террористы заинтересованы заручиться поддержкой масс, им необходимо продолжать насилие. Для этого они проводят так называемые недискредитирующие атаки и разграничивают свои цели на легитимные и нелегитимные. Легитимными целями, как правило представители государства — политики, чиновники, военные, судьи, полиция и т.п., которые предстают как агенты репрессивного режима.

На втором этапе возникает ответная реакция. Н. Берри выдвинул гипотезу, что террористы пытаются манипулировать возможными ответными действиями своего врага, которых может быть несколько вариантов.¹

К одному из них относится концепция чрезмерной цели, которая составляет существенную часть процесса дезориентации (смотри выше). Террористы хотят спровоцировать правительство работать вне рамок закона и использовать экстраправовые меры. В результате, террористические акты часто будет совершаться с явной целью начала жестких репрессий, возможно, нелегального характера.²

Дефляция власти представляет собой противоположность концепции чрезмерной цели. Это сценарий, при котором целевая группа (правительство) теряет поддержку общества, потому что не в состоянии адекватно справиться с террористической угрозой. Правительство полагает, что ему не хватает общественного консенсуса для проведения политики по отношению к террористам, т.к. переговоры рассматриваются как хитрость, угроза и даже передача определенной доли легитимности. Как видно на историческом опыте, такой сценарий стал классической проблемой для многих режимов, особенно работающих в рамках либеральных демократических убеждений.

Еще один тип ответа представляет собой ошибочные репрессии умеренных, т.к. правительство может начать подавлять умеренную оппозицию, которая не применяет насилие. Запрет политических партий, закрытие газет, аресты и похищения людей относятся к этому варианту действий власти. Рациональное объяснение таких действий состоит в том, что между террористами и умеренной оппозицией может быть связь, и они могут действовать сообща. Например, Ирландская Республиканская Армия имеет легальную структуру — «Sinn Fein», которая действует в правовом поле, а у баскских сепаратистов из ЭТА есть политическое крыло Heri Batasuna. Также пример Исламской Революции в Иране показывает, что ошибочные репрессии могут только ускорить процесс падения власти. Кроме того, в таких целях террористы могут действовать от лица власти (используя поддельные документы, униформу или своих агентов внутри правительственных структур), чтобы ее дискредитировать в глазах общественности.

¹ N.O. Berry, 'Theories on the Efficacy of Terrorism', in Paul Wilkinson and A.M. Stewart (eds),

Contemporary Research on Terrorism (Aberdeen: Aberdeen UP 1987) pp.293–304.

² Paul Wilkinson, Terrorism and the Liberal State (London: Macmillan 1986) p.296

Третий этап представляет собой получение легитимности. Это достигается либо с помощью умелой манипуляции через масс-медиа, либо через политическую агитацию на местах, благодаря чему создается интерактивная связь с массами. Сейчас Интернет является инструментом для установления такой коммуникации, и как показывает опыт исламистов-джихадистов, он может быть очень эффективным.

Получение легитимности во многом зависит от культуры общества, в котором действуют террористы и этики, связанной с насилием и смертью.

В одной работе¹, посвященной терроризму, приводится интересная статистика, позволяющая сравнить количество смертей. Указывается, что всего в 2011 г. в мире в ДТП погибло 1 млн. 400 тыс. человек, умерло от СПИДа 1 млн. 700 тыс. человек, в США за это же время на дорогах погибло 29757, было убито 14612, а в авиакатастрофах разбилось 494 человек. Для сравнения — жертвами террористической атаки 11 сентября 2001 г. стало 2996 человек, от ядерной бомбардировки Хиросимы погибло 90 тыс., а от цунами в Индийском океане в 2004 г. унесло жизни 230 тыс. Автор задается вопросом — насколько с моральной позиции отдельные теракты ужаснее, чем рукотворные или природные инциденты, особенно если учитывать, что ядерная бомбардировка японских городов не была необходима, а являлась актом устрашения со стороны США, в том числе своих союзников. Критики внешней политики США также приводят факт гибели огромного количества мирных жителей Ирака во время американского вторжения, что несоизмеримо от единичных случаев терактов против США, даже если проводить условную параллель между исламом и мусульманским терроризмом. Это позволяет сделать вывод о провалах предыдущих стратегий США по борьбе с терроризмом. Хотя полученный опыт в Ираке, Афганистане, а также при противодействии Аль Каиды может быть интересен в качестве дополнительного анализа.

В одной из работ RAND Corp., посвященной деятельности террористических организаций предлагается проследить динамику через классификацию видов снижения или полного угасания террористической активности. Они разбиты на восемь групп:

Сущностный успех. Тактика террористов помогает, как минимум, достичь основных целей террористов, в основном в связи с политическими акциями, где применяется мало насилия.

Частичный успех. Террористы получают общественное одобрение для своей организации и ее деятельности и предпочитает прекратить террористические действия чтобы избежать насилия, которое может вызвать отторжение спонсоров, поддержки и ключевых действующих лиц с третьей стороны.

---

¹ Nathan Myhrvold. Strategic Terrorism. A Call to Action. Research paper NO. 2 — 2013

Акций прямого действия со стороны государства, включая репрессии. Государственные мероприятия, включая репрессии, значительно подрывают возможности террористов.

Распад организации вследствие перегрева. Террористическая организация распадается, так как ее члены теряют доверие к организации и ее миссии потому что могут быть коллективное ощущение ошибочности действий, физическая усталость, наличие привлекательных вариантов, способствующих прекращению насильственной деятельности, растущее несогласие с идеологией и стратегией.

Потеря лидеров. Убийство или арест влиятельных лидеров может послужить причиной тому, что остальная часть организации окажется неспособной или не желающей продолжать функционирование в роли террористической организации.

Неудачный переходный период. Террористы оказываются не в состоянии передать свои функции следующему поколению, после того, как первое поколение вышло из строя.

Утрата поддержки. Террористы теряют поддержку среди своей клиентуры: населения, правительств и других организаций.

Появление новых альтернатив. Наилучшим вариантом для политических перемен или выживания организации и ее оздоровления могут быть новые горизонты, включая более традиционные формы, такие как война и революция, протестные массовые движения, возможности для легальной политической и организованной преступной деятельности¹.

Кристофер Гармон предлагает для исследования террористических организаций применять хронологический подход, ориентируясь по длительности активности той или иной группировки. Помимо разделения на годовые фазы (не более пяти лет; от восьми до пятнадцати; от двадцати до пятидесяти) Гармон также вводит анализ на основе того, достигла ли группа успеха или нет. Таких секции тоже три: организации, деятельность которых привела к поражению; достигнувшие определенного успеха; те, которые достигли явного успеха и трансформировали его в стратегическое преимущество².

Если стратегическое преимущество было закреплено, организация может начать выступать в иной роли. Характерным примером являются повстанцы в Ливии, легализовавшиеся в результате свержения Муаммара Каддафи, а также джихадисты, объявившие о создании Исламского Государства. Ими начала применяться стандартная военная тактика и стратегия на захваченных территориях, вводиться налог на поддержку их деятельности, эксплуатироваться нефтяные ресурсы Ирака и Сирии.

¹ Cragin K., Davis P. Social science for Counter-terrorism. Putting pieces together. RAND, 2009. P.259

² Christopher C. Harmon. How Terrorist Groups End. Studies of the Twentieth Century.//Strategic Studies Quarterly, Fall 2010.

Западные эксперты отмечают, что текущая ситуация международного джихадистского терроризма характеризуется тремя взаимосвязанными тенденциями: децентрализация, локализация и индивидуализация. Эти тенденции отчасти являются ответом на успех борьбы с терроризмом с 2001 года, но они также отражают смену паттернов в географической и этнической диверсификации и продолжающийся идеологический спор внутри широкого джихадистского движения между теми, кто выступает за организованный джихад (*jihad tanzim*) и тех, кто предпочитает сосредоточиться на индивидуальном джихаде (*jihad fardiyah*)¹.

Конечно же, мы не должны забывать и о государственном терроризме, так как ему наиболее легко получить стратегическое измерение, особенно если действует группа государств.

Есть определение, что государственный терроризм представляет собой любое проявление насилия, осуществляемое противоправным путем в отношении иностранных государств и внутренних противников со стороны определенных государств, различных его органов. В этом случае к государственному терроризму относятся акты военной агрессии, судебного и полицейского произвола, совершаемые для решения внешне и внутривнутриполитических задач.

Конечно же, в юридическом плане это явление больше характерно для второй половины XX века, т.к. ранее к подобным актам приравнивали саботаж, диверсии и агрессию, а само понятие террора в ряде случаев было институционализировано в качестве вооруженной классовой борьбы.

Однако в то же время в связи с размыванием границ между полицейскими операциями, вооруженной борьбой, конфликтами, пропагандой и прочей деятельностью, в том числе законодательной и судебной, терроризм стал толковаться в расширительном понимании, указывалось на его явные как внутренние, так и внешние аспекты и международный формат. Кроме того, глобализация и либерализация экономик, которые исходили из США, при поддержке, как правительства этой страны, так и различных транснациональных компаний, привели к эффекту создания серой зоны насилия. Сам терроризм начал коммерциализироваться, а феномен частных военных компаний, которые опять же впервые появились в англосаксонских странах, подрывал нормы международного права, в том числе определение участников боевых действий, и способствовал распространению вооруженного насилия по всему миру.

В целом довольно адекватную дефиницию государственного терроризма (ГТ) дает английский эксперт С. Сигеллер. Он трактует ГТ как превышение власти, использование аппарата принуждения, предназначенного для поддержания общественного порядка и национальной безопасности против собственного народа, для подавления оппозиции. Он включает акты незаконного задержания,

---

¹ Carl Ungerer. Beyond bin Laden. Future trends in terrorism. ASPI, Dec. 2011, P. 17

пытки, тайную депортацию, скрытые убийства, использование «эскадронов смерти» и т. д.

Основным элементом терроризма, как видно из этимологии слова, является запугивание, следовательно, действия, которые направлены на запугивание правительств или гражданского населения в широком смысле можно понимать как акты терроризма, не важно, в мирное или военное время они произошли. Например, фосфорные бомбардировки Дрездена авиацией союзников или упоминаемая ранее ядерная бомбардировка Хиросимы и Нагасаки по своему характеру были именно актами запугивания, т.к. не имели необходимости с точки зрения военной стратегии, а в случае с Японией устрашение велось не только в отношении японского населения, но и других стран.

Противоправность ГТ как инструмента внешней политики была закреплена в резолюции Генассамблеи ООН 39/159 «О недопустимости политики государственного терроризма и любых действий государств, направленных на подрыв общественно-политического строя в других суверенных государствах», принятой на 39-й сессии в 1984 г.

Хотя ранее, еще в 1937 г. более 20 государств подписали Конвенцию о предупреждении и наказании терроризма, под которым понимались «преступные действия, направленные против государства, цель или характер которых состоят в том, чтобы вызвать ужас у определенных лиц или среди населения».

Несмотря на то, что ГТ осуждается резолюцией ООН, ряд западных стран до сих пор использует его как инструмент своей внешней политики для отстаивания своих экономических, корпоративных и политических интересов.

Есть также серьезные проблемы и во внутренней политике США. Если мы внимательно изучим структуру этого государства и его общества, то мы обнаружим, что культура насилия имманентна, т.е. внутренне присуща этому обществу, что оправдывает терроризм как политическое действие, в первую очередь, внутри самих Соединенных Штатов.

Это связано с юридическими интерпретациями проявлений насилия и различного жестокого обращения с самими гражданами США. Например, впервые в США было обосновано применение пыток еще в Массачусетском своде свобод от 1641 г. где указано, что осужденный преступник «может быть подвергнут пыткам», если он признан виновным, однако при этом «пытка не может быть варварской и бесчеловечной». Согласно Конвенции 1984 года против пыток любые действия, которые были легализованы, по определению, не являются пыткой. После терактов в 2001 г. ситуация с правами и свободами еще более ухудшилась. Прикрываясь Патриотическим актом, спецслужбы и другие репрессивные органы США продолжили манипуляции с законом, что позволяло похищать и пытаться невинных граждан, в том числе на секретных объектах ЦРУ в других странах.

Во внешней политике США прибегают к так называемому претексту, т.е. заранее отработанному сценарию, произведённому по которому действия приводят к определённому ожидаемому результату.

Как указывает один из критиков агрессивной внешней политики США Ричард Сэндерс, практически с конца XIX в., когда США вторглись в Мексику, Вашингтон постоянно использует механизм «претекста» для обоснования своего военного вмешательства.

Другой прием — это так называемая превентивная дипломатия, т.е. запугивание, которую США до сих пор применяют во внешней политике. К ГТ можно также отнести и психологические операции, т.к. по определению американских специалистов, психологическо-политическая война связана с культурными и политическими символами, восприятиями и эмоциями, поведением индивидуумов и групп под воздействием стресса, т.е. запугивания. При этом, как указано в исследовании *The Psychological Dimension in National Strategy*, изданном Военно-воздушным университетом США, психологическо-политические операции должны быть направлены не только против врагов; нейтральные, союзные и полусоюзные государства потенциально представляют очень важные цели, а значит, Вашингтон ведет подрывную деятельность в завуалированной форме и методом мягкой силы против всех государств мира.

События последних лет наглядно показывают, что и другие государства прибегают к террористическим методам при проведении своей политики. Украина — одно из них, для которой подходят многие критерии, описанные в данной статье.

Идеологическое обоснование терроризма в мире и на Северном Кавказе

Игорь Добаев

*Доктор политических наук, профессор Южного Федерального Университета
(г. Ростов-на-Дону)*

Важнейшей составляющей современного терроризма выступают идеологические доктрины радикальных исламистов, в соответствии с которыми выстраивается специфическая практика, включающая в себя и террористические акции смертников¹. Теоретически обосновано, что исламизм состоит, как минимум, из двух звеньев — умеренного и экстремистского². Оба крыла в качестве конечной цели определили построение т.н. «исламского государства», функционирующего на шариате. Однако между ними имеются и существенные отличия: умеренные идут к намеченной цели эволюционным, преимущественно мирным путем, делая ставку на осуществление т.н. «исламского призыва» (*даават*, в данном случае — информационно-пропагандистская работа среди населения), а их экстремистски настроенные единомышленники в своем псевдореволюционном порыве готовы к силовому захвату власти, для чего не исключают всех форм вооруженного насилия, включая применение террористических атак.

К экстремистскому крылу исламских радикалов относятся организации, группы, отдельные лидеры, которые в качестве основного метода достижения своих целей используют вооруженную борьбу, в том числе и террористическую деятельность. Ведение пропаганды для них является вспомогательным средством, в основном, для привлечения в свои ряды новых сторонников. Наиболее известными теоретиками этого крыла исламистов выступают Сайид Кутб, Абд ас-Салям Фарадж, Аббуд аз-Зумр, Тарик аз-Зумр, Айман аз-Завахири и др. Эти и другие теоретики радикального исламизма в своих работах опираются на труды авторитетных улемов мусульманского прошлого, среди них Ибн Ханбала, Ибн Таймийя, Ибн Кассир, Аль-Куртуби, ан-Навави, М. Ибн Абд аль-Ваххаб и др.

Ибн Ханбал и его последователи — Ибн Таймийя, Ибн Кассир, Аль-Куртуби, ан-Навави и др. — выступали за возвращение ислама к «золотому веку» — времени жизни и деятельности пророка Мухаммеда и четырех праведных (выборных) халифов (610-661 гг.), что совпадает с периодом жизни первых трех поколений мусульман. В тот период («золотой век») ислам был единым, не испытывав последовавших позже расколов на направления, толки, идейные течения, появле-

¹ См. об этом подробнее: Чудинов С.И. Терроризм смертников. — М.: Изд-во «Наука», 2010. — 312 с.

² См.: Добаев И.П. Исламский радикализм: генезис, эволюция, практика. — Ростов н/Дону: Изд-во СКНЦ ВШ, 2003. — 416 с.

ния суфийских братств и т. д. В этой связи Ибн Ханбал, его единомышленники и последователи квалифицировали все изменения в исламе, произошедшие после завершения «золотого века», в качестве бида' (греховных нововведений), и требовали очищения ислама от них. Иными словами, их идеалом был «чистый» ислам, поэтому они настаивали на необходимости возвращения именно к этому фундаментальному идеалу мусульманства. В этой связи, правда, значительно позже, западные оппоненты стали именовать их «фундаменталистами». Сами же они мыслили себя в качестве «салафитов». Этот термин произошел от арабского словосочетания «ас-салаф ас-салихун» («праведные предки»), что по временным характеристикам совпадает с жизнью и деятельностью первых трех поколений мусульман, или жизнью и деятельностью пророка и «рашидун» (праведные халифы), или с «золотым веком» ислама. Сегодня термин «салафиты», равно как и «салафизм», прочно вошли в научный оборот не только на мусульманском Востоке, но и на Западе, а также и в России.

Следует отметить, что, появившись в VII веке, после нескольких столетий значительных успехов исламский мир замедлил движение и вступил в период продолжительного политического и культурного упадка, фиксируемого по настоящее время. Салафитская концепция основана на следующей оценке такого положения: ислам пришел к упадку, отклонившись от праведного пути. Сила же прежней и праведной уммы происходила от ее веры и соблюдения обрядов, ибо так было угодно Богу. Чтобы вернуть славу и величие «золотого века» следует возвратиться к истинной вере и традициям предшественников, особенно пророка Мухаммеда и его соратников. В этой связи салафиты отрицают традиции и практику современного мусульманского мира, которые привели исламскую умму к упадку.

Мощное воздействие на радикализацию современного исламского движения в различных уголках мусульманского мира оказало создание в XX веке в духе салафитского обновленчества исламистских политических партий. Хасан аль-Банна (1906-1949 гг.) в 1928 г. основал в Египте организацию «Аль-ихван аль-муслимун» («Братья мусульмане»), а Маулана Абу аль-Аля Маудуди (1903-1979 гг.) в 1941 г. в Индии — «Джамаат-и ислами» («Исламское общество»). Оба имели сходные убеждения, особенно в отношении объединения ислама как всеобъемлющего учения в жизни мусульманской уммы. Они отстаивали необходимость создания подлинно исламского государства посредством введения шариата, который они рассматривали не только в качестве закона, основанного на Коране, но и как образ жизни салафитов.

Декolonизация в середине XX в. дала надежду салафитам на создание истинно исламских государств. Однако новые мусульманские лидеры избрали путь имитационных реформ. Их идеи о секуляризме, общественном суверенитете, национализме, правах женщин и конституционализме привели к прямому конфликту

с салафитами, поднявшими вопрос об их легитимности как мусульманских лидеров, что создало взрывоопасную ситуацию. Ответом многих режимов стала непоследовательная политика, которая колебалась от компромиссов до репрессий¹.

В такой ситуации не могла не появиться новая плеяда теоретиков салафизма, занявшаяся разработкой современных идеологических доктрин радикальных исламистов. Среди них особенно выделяются египтяне — С.Кутб, М.Шукри, М.Фарадж, А. аз-Завахири и др. При этом, как верно отметил авторитетный отечественный исламовед А.А. Игнатенко, в идеологических доктринах исламистов основообразующими категориями выступают два особым образом интерпретируемые понятия — такфир (обвинение в «куфре», т.е. неверии) и джихад (священная война за веру)². В этой связи радикальных исламистов нередко называют такфиритами-джихадистами.

Понятие «такфир» базируется на выделении т.н. «врагов ислама», куда по мысли современных теоретиков-исламистов, входят, во-первых, все немусульмане («кафиры» — неверные), а, во-вторых, мусульмане, не разделяющие идеологических взглядов исламистов («муртадун» — отступники от ислама, а также «мунафикун» — лицемеры — т.е. те, кто верит неправильно или неискренне). Что касается концепции джихада, то она, в противовес мусульманской ортодоксии, стала квалифицироваться исключительно как война с «врагами ислама», причем радикальные исламисты допускают наступательный, инициативный характер этой борьбы.

Согласно мусульманской ортодоксии, джихад подразделяется на «большой» и «малый». Большой джихад — это ненасильственное стремление личности жить так, как подобает праведному мусульманину, следуя воле Бога. Он достигается приверженностью пяти столпам исламского вероучения: выражением ислама как веры (шахада), регулярными молитвами, постом во время месяца Рамадан, благотворительностью и совершением хаджа, паломничества в Мекку. Это требует дисциплины и усердия на протяжении всей жизни, постоянной напряженной работы по самоусовершенствованию. В противовес «большому», малый джихад — вооруженная борьба за ислам. Традиционная исламская юриспруденция определяла джихад в качестве обязанности мусульманина в мире, разделенном на «земли ислама» (дар аль-ислам) и «земли войны» (дар аль-харб). Мусульманское сообщество, умма, было обязано участвовать в джихаде, чтобы расширить «дар аль-ислам» по всему миру, дабы все человечество могло благополучно жить в пределах справедливого политического и общественного порядка. В интерпретации одной из школ мусульманского права подобная воинственность смягчалась введением понятия «земля мира» (дар ас-сульх), — это территории, где прожи-

¹ Сейджман М. Сетевые структуры терроризма. — М.: Идея-Пресс, 2008. — С. 16.

² См. подробнее об этом: Игнатенко А.А. Эндогенный радикализм в исламе // Центральная Азия и Кавказ. — 2000. — № 2 (8).

вают немусульмане, которые заключили перемирие с «дар аль-ислам», а потому не являются объектом джихада.

В рамках «малого» джихада существовало также более глубокое различие между оборонительным и наступательным джихадом. Если неверные вторгаются в «дар аль-ислам» и угрожают существованию в нем ислама и его исповедованию, богословское заключение на основе мусульманского права (фетва) может объявить состояние джихада против неверных. Это означает личную обязанность для каждого мусульманина (фард аль-айн) участвовать в оборонительном джихаде либо за счет непосредственного участия в борьбе, либо посредством финансовой поддержки, благотворительности и молитвы. Напротив, наступательный джихад для нападения на земли неверных (дар аль-куфр), чтобы подчинить их шариату, строгим нормам на основе Корана, подразумевает коллективную обязанность (фард аль-кифайя), которая может быть исполнена и, обычно, исполняется правительствами мусульманских государств без личного участия в ней отдельно взятых мусульман¹.

Что касается теоретиков современного радикального исламизма, то они не только отрицают деление джихада на «большой» и «малый», но говорят только об одном джихаде — боевом, зачастую делая акцент исключительно на наступательной версии джихада.

С. Кутб — теоретик и идеолог египетской ассоциации «Братья-мусульмане» в 50-60-е гг. XX в. — написал целую серию работ, в которых им развивались различные аспекты идеологии «исламского возрождения». Концепция С.Кутба делила общество на два типа: исламское общество, в котором признается власть одного Аллаха и действует шариат, и общество джахилийи (доисламского язычества), в котором люди сами творят законы и нарушают главный принцип единобожия — единовластие Аллаха (хакимийя). Согласно такому выводу, языческими является большинство современных обществ, в том числе те, которые считают себя исламскими, но не живут по шариату. Отрицание хакимийи, по сути, означает вероотступничество, ввергающее в неверие. Ислам и джахилийя — это абсолютно несовместимые системы, между которыми невозможно какое-либо мирное сосуществование или постепенная трансформация джахилийи в ислам. Восстановить власть Аллаха на земле можно лишь после того, как силой будет уничтожена джахилийя, и участие в этой борьбе есть обязанность каждого мусульманина.

Однако еще в XVIII веке, за два столетия до С. Кутба, концепцию джахилийи актуализировал Мухаммед ибн Абд аль-Ваххаб (1703 — 1791), проповедник из Аравии, который осудил за развращенность распространенные народные верования и обычаи племен полуострова, утверждая, что они вернулись в состояние

---

¹ Сейджман М. Указ. соч. — С. 10-11.

джахилии, стали идолопоклонниками, а потому заслуживают смертную казнь за отступничество от ислама. Он проповедовал жесткую форму ислама, основанную на строгом толковании Корана, очищение ислама от позднейших наслоений. Основой его доктрины стал «таухид» (с арабского — «единство Бога»), осуждающий как идолопоклонничество любую возможность посредничества в общении с Богом. Заключение аль-Ваххабом союза с главой одного из аравийских племен Мухаммедом ибн Саудом стало прологом образования на территории Аравии нового государства, которое с 1932 г. именуется как Королевство Саудовская Аравия (КСА).

Ибн Абд аль-Ваххаб многие из своих толкований Корана обосновывал фетвами сирийского теолога Таки ад-Дина Ахмада ибн Таймийя (1263-1328 гг.), который жил в один из самых разрушительных периодов мусульманской истории, когда произошло завоевание исламских стран монголами, обращенными тогда же в ислам, но продолжавшими жить по «ясам» -монгольской правовой системе. В этой связи перед Ибн Таймийя был поставлен вопрос: законно ли мусульманам объявить джихад против других мусульман (монголов). Таймийя в своих знаменитых «Фетвах о татарах» отвечал, поскольку монголы продолжали придерживаться Ясы — норм права, установленных Чингисханом, а не шариата, то они не настоящие мусульмане, а вероотступники, которых, исходя из шариата, следует покарать смертной казнью. Вести джихад против них было правом, даже долгом мусульман¹.

В своих работах умеренный исламист, пакистанец Маудуди воскресил концепцию джахилии как абстрактного понятия для описания системы верований и идей в Индии. Однако в его трудах нет ни единого намека на то, что он намеревался использовать ее для оправдания вооруженного восстания. Что касается жесткого радикала С.Кутба, то он взял и положение ибн Таймийя о долге джихада против вероотступников и, вырвав из контекста, концепцию Маудуди о джахилии, по-новому соединил их, еще шире трактуя идеи М. Абд аль-Ваххаба. Объявляя существующие мусульманские общества джахилистскими, Сейид Кутб дает обоснование для отвержения и вооруженного выступления (джихад бис сайф) против номинально мусульманских режимов, избегая проблемы смуты (фитна). В его версии правверные мусульмане воюют не против других мусульман, а против идолопоклонников. Вскоре после публикации самого яркого труда «Вехи на пути» египетское правительство Насера в очередной раз арестовало Кутба за подстрекательство к восстанию, и он был казнен в каирской тюрьме 29 августа 1966 г. Мученичество Кутба моментально придало его идеям достоверность².

¹ Sivan E. Radical Islam: Medieval Theology and Modern Politics. — New Haven, Conn.: Yale University Press, 1985. — P. 90-101.

² Сейджман М. Указ. соч. — С. 18, 22.

Большое влияние идеи Кутба оказали на Шукри Мустафу, который довел до логического максимума положения доктрины джахилии, основав в Египте секту «Джамаат аль-Муслимин» («Общество мусульман»), основным принципом которой стал инициативный изоляционизм его членов от порочного общества джахилии. Однако его группа стала объектом насмешек в прессе, которая изображала их сборищем фанатиков или преступников, помешанных на двуединой концепции отлучения и изгнания (ат-Такфир ва-ль Хиджра), именно под этим названием община М.Шукри и вошла в историю исламистского движения¹. В 1977 г. после преследований со стороны правящего режима Египта эта секта исчезла, но ее идеи не были забыты последующими поколениями радикальных исламистов.

Наиболее известным последователем С.Кутба был Мухаммед абд аль-Салам Фарадж (1954-1981 гг.), являвшийся главой каирского отделения «Танзим аль-джихад» («Организация джихада»), осуществившего в 1981 г. убийство президента Египта — Анвара Садата. Свои идеи Фарадж сформулировал в своей брошюре «Забытый долг» («Аль-фарида аль-гайба»). В ней он, в частности, пишет: «Установление исламского государства — это обязанность мусульман: то, без чего что-то необходимое не может быть выполнено, (само) становится необходимым. Если, кроме того, (подобное) государство не может быть основано без войны, тогда и война точно таким же образом оказывается необходимой... Законы, которыми управляются мусульмане сегодня, это законы Безверия, на самом деле они являются сводами законов, созданными неверными, которые затем подчинили им (законам) мусульман... После исчезновения халифата, очевидно, в 1924 г. и (потом) отказа от законов ислама в их целостности, и (затем) их подмены законами, введенными неверными, положение (мусульман) стало подобным тому, которое было у монголов»².

Фарадж подчеркивал, что ислам распространился мечом, доказывая, что джихад в исламе не был оборонительным. Для обоснования своей позиции он процитировал из Корана «стихи меча»: «А когда закончатся запретные месяцы, то избивайте многобожников, где их найдете, захватывайте их, устраивайте засаду против них во всяком скрытом месте» (Коран 9:5).

Фарадж также отрицал как опасное современное нововведение различие большого джихада (усилия по самоусовершенствованию мусульманина, борьба с собственными дурными наклонностями) и малого джихада (война против врага), потому что оно умаляет ценность борьбы посредством меча. Точно также, по его мнению, и отсутствие халифа не является оправданием для переноса джихада. Все это делало тем более необходимым организацию джихада ради возвращения

¹ Там же. — С. 36.

² Faraj M. Al-Faridah al Ghaibah, in Johannes Jansen, *The Neglected Duty: The Creed of Sadat's Assassins and Islamic Resurgence in the Middle East*. — New York: Macmillan, 1986. — P. 165-167.

мусульманским народам ислама. Цена отказа от джихада — это «низость, унижение, разделение и раздробленность, в которых мусульмане живут сегодня»¹.

Общая стратегия джихада у А.Фараджа определяется представлениями о «враге ближнем» (мусульмане, которые не разделяют идеологических воззрений и практику радикалов), «враге дальнем» (немусульманские противники радикалов, прежде всего, представители западно-христианской цивилизации) и о джихаде как об индивидуальной обязанности для каждого мусульманина (фард айн). По мнению А.Фараджа, джихад становится обязательным, в том числе, и в том случае, если правитель мусульманского государства отвергает руководство по шариату. Тогда такого правителя нужно свергнуть, и джихад становится индивидуальной обязанностью каждого мусульманина. На его ведение не нужно даже специального разрешения улемов, джихад становится такой же индивидуальной обязанностью, как пост и молитва².

Копии труда Фараджа были обнаружены в домах подозреваемых в заговоре в ходе волны арестов после убийства президента Садата. Сама работа была опубликована в Египте лишь после того, как египетское правительство потребовало от богословов исламского университета Аль Азхар опровергнуть его тезисы. Дебаты относительно обвинений в джахилии и такфире восходят к сути спора между традиционалистами и воинствующими салафитами о значении джихада и законности внутреннего вооруженного восстания (фитны), учитывая запрещение фитны. Сторонники вооруженного пути, подобно Фараджу, использовали выборочное цитирование Корана для обоснования своих выводов. Например, в своей трактовке «стихов меча» он цитировал лишь их первую часть. В Коране же имеется продолжение: «Если они обратились и выполняли молитву и давали очищение, то освободите им дорогу: ведь Аллах — прощающий, милосердный» (Коран, 9:5). Эта последняя часть опровергает обоснование убийства без разбора «врагов ислама», используемое сторонниками вооруженной борьбы.

Салафитский джихад, таким образом, — это мусульманское обновленческое движение, оправдывающее насильственное свержение местных мусульманских правительств как «ближнего врага» с целью установления исламистского государства.

Вместе с тем, не стоит забывать, что подобно другим священным книгам, Коран открыт для разных, порой противоположных друг другу интерпретаций. В нем содержатся призывы, как к любви, так и к ненависти и насилию, и было бы иллюзией пытаться однозначно толковать коранические тексты исключительно как проповедь мира. Тем более сегодня, когда целые исламские теологические школы и ведущие духовные авторитеты открыто проповедуют ненависть к «неверным»,

¹ Ibid. — P. 205.

² Ат-Тураби Х. Аль-Харака аль-исламия фи ас-Судан (Исламское движение в Судане). — б.м. — б.г. — С. 4-5.

отвергают право на существование других религий и благословляют терроризм. Используя отдельные положения из Корана и других священных книг ислама (как, например, призыв «убивайте их там, где найдете, и вытаскивайте их отовсюду, где бы они не прятались»), исламские теологи оправдывают захват чужих земель, подчинение и убийство немусульман. Современные мусульманские школы провозглашают «всемирный джихад» против «неверных» и демонстрируют особенное презрение к евреям, которых они называют не иначе, как «потомками свиней и обезьян»¹.

В последующем на рубеже 80 — 90-х гг. XX в. новый лидер «Аль-Джихада» Аббуд аз-Зумр насытил идеологическую доктрину организации новыми концепциями. Помимо него, еще одним плодотворным автором движения выступил Тарик аз-Зумр. Особенности трактовки ими концепции джихада практически не отличаются от идей А.Фараджа. Так, по мнению Аббуда аз-Зумра, джихад есть фард айн — то есть индивидуальная обязанность каждого мусульманина, который должен участвовать в нем по мере своих сил и возможностей². Другой теоретик исламизма Тарик аз-Зумр считал, что высшее проявление из всех форм джихада — это вооруженная борьба. Он резко критиковал тех лидеров из числа исламских радикалов, которые ограничиваются только идейной борьбой³. Более того, джихад в таком случае имеет наступательный характер, и необязательно, чтобы неверные инициировали нападение первыми, «достаточно, чтобы они всего лишь имели признаки тех людей, с которыми надлежит воевать»⁴.

Следует также отметить, что «Аль-Джихад» отверг тактику постепенной «исламизации снизу». Такая стратегия основывается на изменении общества посредством осуществления т.н. «исламского призыва». Однако «Аль-Джихад» считает, что общество трудно изменить, пока оно будет находиться под властью режима неверных, способного применять и использовать разнообразные методы, препятствующие мирной исламизации. По мнению идеологов организации, стратегия «исламизации снизу» демонстрирует свою ограниченность в деятельности «Братьев-мусульман» и салафитских джамаатов. Первые замыкаются рамками интеллигенции и отрываются от масс, вторые практически утратили чувство реальности. Более того, для «Аль-Джихада» неприемлемо какое-либо участие в парламентской деятельности: это означало бы признание того, что источником законов может быть не Аллах, а его творения — люди⁵.

В конце 80-х годов Усама Бен-Ладен вместе с Айманом аз-Завахири создали «Аль-Каиду» в Афганистане, определив свою стратегию и ключевые цели

¹ Либлер Изи. Где найти умеренного исламиста? // Эхо (русскоязычная еженедельная газета, Израиль). — 2011. — 7 марта.

² Ерасов Б. Культура, религия и цивилизация на Востоке. — М., 1990. — С. 73.

³ Там же. — С. 147-148.

⁴ Ruthven M. Islam in the World. — N.Y., Oxford, 1984. — P. 308.

⁵ Ражбадинов М.З. Радикальный исламизм в Египте. — М., 2003. — С. 88-89.

на перспективу. Согласно салафитской идеологии, которую проповедует эта структура, главный удар должен быть направлен против режимов в мусульманских и, прежде всего, арабских странах. Эти режимы рассматриваются как искусственные, противоречащие исламским нормам, представляющие собой орудие Запада по контролю над мусульманским миром. Они были противны «букве и духу Корана» и препятствовали мусульманам в создании «подлинно мусульманского общества». Ближневосточные режимы, утверждали салафиты, были результатом колониальной политики западных держав, которые произвольно разделили арабский мир границами и создали марионеточные правительства. Это, в свою очередь, привело к национализму, взаимным конфликтам и возвышению светской идеологии, не имеющей никакого отношения к принципам подлинно исламского правления. Все это ослабляло арабский мир и не позволяло ему объединить свои силы против истинного врага, коим является западная цивилизация, утверждал влиятельный представитель и наставник Бен-Ладена палестинец Абдалла Азам¹.

Исходя из своего мировоззрения, «джихадисты» стремились свергнуть «искусственные марионеточные режимы» в Египте, Ливии, Саудовской Аравии и других странах региона и создать на их месте единое исламское государство — халифат, основанный исключительно на предписаниях Корана и других священных арабских текстов. С момента создания «Аль-Каиды», ее региональные ответвления и родственные группировки прилагали отчаянные усилия для достижения цели, мобилизуя боевиков для «джихада», распространяя идеологию и осуществляя дерзкие вылазки, однако до последнего времени все попытки расшатать и свергнуть арабские режимы терпели фиаско.

Отсюда неизбежно следует мысль о том, что практически невозможно победить «врага ближнего», не нанеся мощные удары по «врагу дальнему». Тем не менее, в своей фетве «Изгоняйте неверных с Аравийского полуострова», объявленной Усамой Бен Ладеном 8 августа 1996 г., лидер «Аль-Каиды» отстаивает понятие оборонительного джихада для изгнания неверных из мусульманских стран. Однако уже 18 февраля 1998 г. в фетве Мирового Исламского Фронта, объявившей «джихад против евреев и крестоносцев», Бен Ладен расширил свое прежнее понимание джихада, от оборонительного до наступательного. Мировой салафитский джихад теперь ведет борьбу с «врагом дальним» (Соединенные Штаты и Запад в целом) на его территории или в третьих странах. Оправданием для этого нового типа джихада служило то, что «оккупация» Соединенными Штатами Америки Саудовской Аравии, поддержка Израиля и убийства иракских детей были «открытым объявлением войны Аллаху, его Посланнику, и мусульманам». В фетве постулируется: «Постановление убивать американцев и их со-

¹ Лапин Яков. «Аль-Каида»: провал или «окно возможностей»? // THE JERUSALEM POST. — 2011. — 10 марта.

юзников — гражданских и военных — это личная обязанность для каждого мусульманина, который может исполнить ее в любой стране, в которой это можно сделать... Мы — с помощью Аллаха — призываем каждого мусульманина, кто верит в Аллаха и желает награды за выполнение приказов Аллаха, убивать американцев и расхищать их богатства, где и когда они найдут их. Мы также призываем мусульманских улемов, лидеров, молодежь и солдат совершать нападения на американские войска Сатаны и союзных с ними сторонников Дьявола и отстранять тех, кто укрывается за ними, дабы они смогли извлечь урок»¹.

К концу 90-х гг. новые идеи выдвинул один из лидеров зарубежного руководства «Аль_Джихада» — Айман аз-Завахири, главный идеолог «Аль-Каиды» и «Мирового фронта джихада», в июне 2011 г., после уничтожения Усамы бен-Ладена, ставший лидером «Аль-Каиды». Прежде всего, он обосновал идею глобального джихада, в первую очередь, с «дальним врагом» — альянсом мирового куфра. Под ним он подразумевает, прежде всего, страны Запада, в первую очередь США и Израиль; теперь же в этот список попала и Россия, примкнувшая, по мнению исламистов, к этому союзу. А. аз-Завахири пишет: «Не следует считать, что борьба за создание исламского государства является региональной войной. Альянс крестоносцев и сионистов, возглавляемый США, не позволит мусульманским силам прийти к власти в какой-либо из мусульманских стран. Надо готовиться к тому, что эта борьба не ограничится рамками одного региона, она будет вестись как против внутреннего врага — вероотступников, так и против внешнего — альянса крестоносцев и сионистов»². По его мнению, джихад с «дальним врагом» нельзя откладывать, поскольку альянс евреев и крестоносцев не дает ни времени, ни шансов нанести поражение «внутреннему врагу». Поэтому А. аз-Завахири предложил перенести войну за пределы исламского мира на территорию врага. В частности, он высказывался за то, чтобы вывести успешный джихад за освобождение мусульман из пределов Афганистана и Чечни и перенести его с окраин исламского мира в его самое сердце³.

В преддверии ударов террористов по целям в Америке 11 сентября 2001 г. в своей программной книге «Рыцари под знаменами Пророка» А. аз-Завахири объявил, что новый джихад является борьбой между исламом и враждебными мировыми силами: западными державами и Россией, использующими «набор средств», включая «1. Организацию Объединенных наций. 2. Дружественные правители мусульманских народов. 3. Транснациональные корпорации. 4. Международные коммуникации и системы обмена данных. 5. Международные информационные агентства и спутниковые информационные каналы. 6. Международные организации помощи, которые используются как прикрытие для шпионажа,

¹ Цит. по: Сейджман М. Указ соч. — С. 27-28.

² Там же. — С. 89.

³ Enayat H. Modern Islamic Political Thought. — Austin, 1982. — P. 84.

прозелитизма, подготовки переворотов и перевозки оружия». Противостояла этому врагу новая исламистская фундаменталистская коалиция, состоящая из джихадистских движений в различных землях Ислама: «Она представляет собой растущую силу, которая собирается под знаменами джихада во имя Бога и действует за рамками нового мирового порядка». Аз-Завахири описывал ситуацию как новый феномен молодых моджахедов, которые «оставили свои семьи, страны, богатства, учебу и работу в поисках полей брани джихада во имя Господа». По его мнению, не существует никакого решения возникших проблем без джихада. Предательство мирного алжирского фундаменталистского движения показало бессмысленность «всех других методов, которые пытались избежать принятия бремени джихада»¹.

Аз-Завахири объявил, что джихад должен продемонстрировать измену мусульманских правителей и их апологетов, которая вытекает из-за отсутствия у них веры и их поддержки неверных против мусульман. Поэтому исламистское движение должно установить исламское государство в центре мусульманского мира, из которого впоследствии вступит в бой за восстановление халифата, основанного на традициях пророка. «Если успешные операции против врагов ислама и серьезный урон, нанесенный ими, не послужат достижению конечной цели создания мусульманской нации в сердце исламского мира, — доказывал он, — независимо от их масштабов они будут не более чем нарушением порядка, который можно вынести и стерпеть, даже если они продлятся некоторое время и принесут определенные потери»².

Для достижения успеха аз-Завахири требовал от единомышленников сблизиться с массами простых мусульман, быть среди них или слегка впереди, а не изолированными от них. Для этого «движение джихада должно посвятить деятельность одного из своих крыльев работе с массами, проповедям, создать службы поддержки мусульман, разделять их заботы всеми возможными для благотворительности и образовательной работы путями; ни одну из сфер жизни мы не должны оставить неохваченной»³.

Для эффективной мобилизации массам нужно руководство, которому они могут доверять, понимать и следовать; ясный враг, по которому нужно нанести удар, и избавление от цепей страха и слабости в их душах. Аз-Завахири так описывает основную цель движения исламского джихада, невзирая на жертвы и время, которые она потребует: «Освобождение мусульманской нации, противостояние врагам ислама и начало джихада против них требуют мусульманской власти, установленной на мусульманской земле, которая поднимет знамя джихада и соберет под

¹ Al-Zawahiri A. Knights Under the Prophet's Banner. Serialized in eleven parts in Al-Sharq al-Awsat (London). — 2001. — July 4. Part 11.

² Ibid.

³ Ibid.

ним мусульман. Без достижения этой цели наши действия будут не более чем простыми и повторяющимися беспорядками, которые не приведут к желаемой цели, а именно восстановлению халифата и изгнанию захватчиков с земли Ислама»¹.

После терактов в Америке и начала антитеррористической операции А. аз-Завахири в своей книге «Аль-Валайя ва-ль-бараа» подчеркнул, что ныне каждый мусульманин должен руками, языком или хотя бы в помыслах оказывать противодействие оккупантам. В книге он обнародовал своеобразную фетву, в которой говорится о том, что мусульманину запрещено сближаться с кафирами, следует хранить в тайне любые секреты мусульман. Запрещено вести какие-либо дела с кафирами. Запрещено воспринимать какие-либо теории и идеи безбожников. Запрещено помогать кафирам в их войне с мусульманами и как-то оправдывать крестоносцев. Мусульманам предписано вести джихад с безбожными агрессорами, отступниками и лицемерами (под двумя последними подразумеваются арабские режимы, предоставившие свою территорию для антитеррористической кампании, а также улемы, издающие лживые фетвы, купленные властями)².

В свою очередь, уничтоженный в июне 2006 г. в Ираке лидер местной ячейки «Аль-Каиды», иорданский террорист Абу Мусаба аз-Заркави в своей лекции, размещенной на многих сайтах³, под заголовком «Вы больше знаете или Аллах?» заявил, что «джихад есть обязательная война против неверных». Термин «гражданское население», утверждал аз-Заркави, является «ложным», поскольку ислам не делит людей на гражданских и военных: он знает лишь разделение людей на мусульман и неверных. И если «кровь мусульманина запретна, чтобы он ни делал и где бы ни находился», то «кровь неверного дозволена, чтобы он ни делал и где бы ни находился, если с ним не заключен договор или он не был пощажен».

Аз-Заркави делит людей на три разряда: 1. мусульмане; 2. неверные, мирно относящиеся к исламу, т.е. вошедшие под покровительство (зимма) мусульман, заключившие с ними перемирие (худна) или пользующиеся предоставленной им пощадой (аман); 3. все прочие люди. Последних аз-Заркави объявляет «воюющей стороной»: шариат, напоминает он, лишает их защиты и дает мусульманам право убивать их, делая исключение лишь для отдельных категорий (в первую очередь, детей и женщин). На этом основании, считает аз-Заркави, «неверие в Аллаха — достаточное основание для убийства неверного, чтобы он ни делал и где бы ни находился».

Таким образом, усилиями зарубежных, прежде всего египетских исламистских теоретиков, к началу XXI века сложилась стройная идеологическая доктрина такфиритов-джихадистов, являющаяся идеологическим обоснованием современного терроризма, прикрывающегося исламским вероучением, а также

¹ Ibid.

² Ражбадинов М.З. Указ. соч. — С. 91-92.

³ См., например: <http://www.short-link.de/2054>.

оправданием жестокой политической практики радикальных исламистов и террористов.

Что касается современного Северного Кавказа, то, несомненно, на адептов северокавказского терроризма огромное влияние оказывали и продолжают оказывать ультрарадикальные идеи зарубежных исламистских радикалов, где путь вооруженного противодействия и диверсий — по версии радикалов — джихада, был началом и завершением всякой борьбы с «системой куфра» (неверия) и их «пособниками» из числа т.н. «отступников» («муртадун») и «лицемеров» («мунафикун»). Под первыми понимаются этнические мусульмане, чаще всего, сотрудники силовых структур, поэтому против них и направлено, в первую очередь, острие терроризма; под вторыми — представители официального ислама.

Идеолог и практик ультра-радикального крыла дагестано-чеченской салафийи Багауддин Мухаммад выделяет три вида или типа взаимоотношений «кафиров» и мусульман. Первый тип — это *Ахль аль-Зимми* — «неверные», которые проживают среди мусульман и подчиняются исламскому порядку: то есть заключают договор, живут на договорных началах — отсюда *зимма* с араб. «договор». За обеспечение безопасности и условий для добычи пропитания зиммии — «договорники», платят подушный налог (*джизью*), который освобождает их от воинской повинности и позволяет пользоваться минимумом благ данного региона-государства. Второй тип взаимоотношения мусульман с немусульманами — это «*муадис*»: «неверные», находясь на своей территории, заключают некое подобие пакта о ненападении. «Третий тип кафира, — продолжает Багауддин, — «*харби*», находящийся у тебя на земле и между нами военное положение. Тогда другое дело, если речь идет о тех русских войсках, находящихся на нашей земле; приехавших сюда, чтобы навязать свои порядки; охраняющих здесь законы московских правителей. Мы этих людей будем изгонять из нашей земли, и убивать на месте, и это до тех пор, пока они не уйдут с нашей земли, или же приняв ислам, не перейдут на нашу сторону — это для них самый лучший вариант. Я бы сказал всем этим русским войскам: пока для них не наступила смерть, пусть они полностью переходят на нашу сторону и если они, при этом, примут ислам, то они станут нашими братьями и будут жить среди нас, деля с нами горе и радость и мы будем их кормить тем же, что и сами едим. Они станут братьями и будут защищены нами, ибо они будут находиться под защитой Аллаха. Если же они этого не сделают, то пусть они отсюда убираются или мы их *ИншаАллах*, выгоним. Вот такое положение должно быть, когда речь идет о русских, именно выгонять и бороться с теми из них, кто пришел на нашу землю утверждать свои законы»¹.

В последующем на Северном Кавказе появились и другие идеологи радикального исламизма, среди которых можно назвать дагестанца Абузагира Мантаева,

¹ Пятничная проповедь Б.Мухаммеда в исламском институте «Кавказ» // Аль-КАФ. — 1998. — № 6.

кабардинца Анзора Астемирова, бурята Саида Бурятского и некоторых других. Характерно, что все они, будучи активными членами террористического банд-подполья, были уничтожены в ходе боестолкновений с сотрудниками правоохранительных структур, не сумев вырасти в авторитетных идеологов даже регионального масштаба.

Тем не менее, вследствие и их усилий, современные чеченские войны, особенно вторая, привнесли в регион самые последние идеологические наработки зарубежных исламских экстремистов, стали кузницей наиболее идеологически подготовленных и непримиримо настроенных по отношению к России исламистов. Сепаратистски ориентированные носители исламистской идеологии продолжают привлекать в свои ряды молодых боевиков практически во всех республиках Северного Кавказа. Например, в 90-е гг. начала оформляться идеология движения «молодых мусульман» в Кабардино-Балкарии, в основу которой была положена идея активизации и частичной модернизации исламской жизни в республике. Методами формирования этой идеологии стали организация системы исламского образования, пропаганда своих взглядов в общеобразовательных и спортивных школах; формирование контингента грамотных проповедников, способных произносить пятничные хутбы, во время которых подробно разъясняются основные постулаты идеологии современного исламизма и т. д. Ведущими распространителями идеологии радикального фундаментализма в республике стали выпускники саудовских исламских институтов Мусса Мукожев и Анзор Астемиров, ставшие организаторами известных событий, имевших место 13-14 октября 2005 г. в Нальчике.

Например, бывший «кадий Имарата Кавказ, амир объединенного вилайята Кабарды, Балкарии и Карачая Сайфуллах» (он же — Анзор Астемиров) предоставил ответы на вопросы корреспондента одного из исламистских сайтов, из которых четко прослеживаются его идеологические приоритеты. В частности, он обвиняет северокавказских мусульман в язычестве, подчеркивая, что «в нашем обществе главной и доминирующей является такая форма язычества как служение России с ее конституцией и ее законами», отмечая далее, что «практикуются такие языческие обряды и ритуалы, как присяга на верность России (в армии, милиции, политических партиях и т.п.), клятва уважать конституцию при получении паспорта, возложение венков к могилам «героев России», которые убивали мусульман в Афганистане и на Кавказе и т. д. Также широко распространены такие языческие традиции, как участие в выборах депутатов парламента. Так что язычество это не только поклонение камням и деревьям. ... Поэтому мы считаем своей первоочередной задачей борьбу против этой формы язычества, как самой опасной для общества ...». Обвинив мусульман, прежде всего сотрудников правоохранительных органов, в такого рода «язычестве», «кадий Сайфуллах» практически дал санкцию на их убийства, тем более что, по его мнению,

«... со временем, под влиянием российской пропаганды, большинство из них заняли твердую антиисламскую позицию»¹.

Таким образом, в ходе второй чеченской кампании, особенно со второй половины 2005 г. в экстремистском подполье, как активные участники террористических групп, появились молодые представители северокавказской мусульманской интеллигенции: студенты, аспиранты, ученые и т. д. Например, один из уничтоженных 9 октября 2005 г. в Махачкале боевиков т.н. джамаата «Шариат» — Абузагир Мантаев — в 2002 г. в Москве защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата политических наук на тему «Ваххабизм и политическая ситуация в Дагестане». Некоторое время он работал в Духовном управлении мусульман Европейской части России. В 2005 г. возвратился в Дагестан и вошел в ряды террористов «Шариата». И таких примеров по республикам Северного Кавказа немало, среди идеологов и одновременно практиков «джихадизма» уже назывались М.Мукожев, А.Астемиров, С.Бурятский и др.

Вместе с тем, после уничтожения этих и других «идеологов» северокавказского терроризма, наблюдается явный недостаток такого рода кадров в составе бандподполья, в этой связи ведется усиленный поиск новых фигурантов и одновременно наблюдается вынужденный переход на «идеологические суррогаты». Об этом, в частности, свидетельствует интервью некоего «амира Баксанского района вилайята Кабардино-Балкарии Имарата Кавказ» Ташу Казбека. В своем многословии, далеком от доказательной базы салафитов, ссылающихся на сакральные источники мусульманства, этот «моджахед», безо всяких обиняков, ретранслирует пропагандистские клише безвременно ушедших из жизни сотоварищей: «... Наши враги совершают куда более гнусное преступление — они поклоняются идолам, которые наделили себя правом издавать законы, противоречащие Закону Аллаха! А обожествление кого-то или чего-то наряду с Аллахом — самый тяжкий грех. И главная причина, которая побудила нас взять в руки оружие — это защита религии от язычников и возвышение слова Аллаха. ... Работа по уничтожению бесппаевых и других подобных выродков будет проводиться планомерно и методично»².

Имеющиеся в нашем распоряжении примеры свидетельствуют, что в последние годы в террористическом движении региона произошла смена поколений: в войну вступило новое, молодое поколение северокавказских этносов, зараженное вирусом русофобии и сепаратизма, а потому более ожесточенное и дерзкое, нежели их предшественники. Определенная их часть готова к вооруженной борьбе с властями во всех ее формах. Однако следует согласиться с московским исламоведом Д.В.Макаровым, который еще в 2000-м году сделал правильный вывод о том, что лидеры российского исламизма до сих пор пока еще «не создали

¹ Личный архив автора.

² Личный архив автора.

ни одного оригинального произведения, которое позволило бы говорить о появлении...» у них «... собственной политической идеологии, соответствующей современным... реалиям. Общие рассуждения о необходимости введения шариата... не смогли компенсировать отсутствие социально-политической программы у этого движения...»¹. Этот вывод продолжает оставаться актуальным и в настоящее время.

Таким образом, идеология современного джихадистского движения, базируясь на постулатах, выдвинутых в свое время Ибн Ханбалой, Таки ад-Дином ибн Таймийей, М. Ибн Абд аль-Ваххабом и другими радикалами минувших эпох, ведет свое происхождение из Египта, так как ее главными вдохновителями были С.Кутб, М.Шукри, М.Фарадж, А. аз-Завахири и др. Она ясно проповедует идею ненависти к немусульманским, прежде всего, к западным ценностям, таким, как индивидуализм, социальный плюрализм, верховенство светского законодательства над религиозным правом, отделение религии от политики и т. д. Ее призыв основывается на очевидной простоте, доступности и непротиворечивости идеологических аргументаций, четком определении «врагов ислама» и необходимости ведения против них «джихада». Все это находит отклик и понимание в среде молодых мусульман, как правило, маргиналов, не слишком образованных в традиционном мусульманском вероучении, которое они к тому же отвергают.

В этой связи не следует забывать, что в зарубежных средних и высших мусульманских учебных заведениях, в том числе и исламистского толка, продолжают учиться сотни, а может быть, и тысячи молодых северокавказцев. На родине их с нетерпением ждут те, кто делает ставку на дальнейшее развитие идеологической составляющей «джихада», и порой не без оснований.

Краткий обзор этапов развития современной идеологической доктрины радикальных исламистов в мире и, в частности, на Северном Кавказе со всей очевидностью свидетельствует о привнесении на территорию регионов России практически всех идеологических постулатов радикального исламизма, об экзотичности идеологического фактора в деятельности северокавказского бандподполья.

---

¹ Макаров Д.В. Официальный и неофициальный ислам в Дагестане. — М., 2000. — С. 48.

Доморощенный терроризм — тикающая бомба России

Александр Фишер

Исследователь Проекта FPRI (США).

Майя Отарашвили

Научный сотрудник и координатор программы проекта демократических преобразований FPRI (США).

На зимней Олимпиаде в Сочи вновь проявилась серьезная проблема внутреннего терроризма в России.

Однако, благодаря искусному маневрированию Владимира Путина внимание международного сообщества было успешно отвлечено на Украинский кризис, по-прежнему от этой тревожной темы.

Это проблема, которую не удастся замести под ковер, так как существуют важные международные последствия для назревающих в России внутренних террористических проблем.

Террористические группы на Северном Кавказе являются частью стремительно глобализирующейся сети джихадистов и террористов-одиночек.

Смертники Бостонского марафона служат хорошим примером таких прошедших онлайн-обучение, самодельных экстремистов, которые использовали свой Чеченский опыт в качестве вдохновения при поиске информации в интернете и ведения своего джихада.

Интересы Путина лежат совсем в другой области.

Он напряженно работает над созданием иллюзии сильной Российской империи, которая может перевесить Запад.

Он очень ясно показал, что планирует добиться этого путем реставрации славы России советской эпохи в той степени, какая окажется возможной, используя любые необходимые средства.

С другой стороны, угроза терроризма в России не является ни незначительной, ни дремлющей, и россияне продолжают выражать растущие страхи по поводу внутренних террористических атак.

По данным Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ), 63% россиян не верят, что власти смогут защитить их от террористической деятельности, и 44% из них считают, что от терроризма нет спасения.

Между 1990 и 2013 годами (за исключением 2009 года), примерно 50% русских выражали опасение, что они или их близкие могут стать жертвами терактов.

В тот же период времени Россия пережила более 150 инцидентов, связанных с террористическими актами.

И с тех пор, как Путин стал президентом в 1999 году, в России произошло 130 террористических актов, из них взрывы в жилом доме в Москве (1999), кризис с заложниками в театре на Дубровке (2002) и взрывы в школе в Беслане (2004) — одни из наиболее громких.

Эти три крупных террористических атаки, а также серия взрывов террористов-смертников в конце 2013 высвечивают все еще нерешенную проблему внутреннего терроризма, перед которой стоит Россия.

До настоящего времени Путин был в состоянии использовать опасения русских по поводу террористических атак, чтобы поддерживать собственный рейтинг, но это досталось ему по очень дорогой цене, а для обеспечения стабильного и прочного мира на Северном Кавказе мало чем помогло.

Кроме того, во внутреннем терроризме в России в последние десятилетия отмечается тревожная трансформация.

Она превратилась из светского сепаратистского движения в Чечне и внутренних религиозных течений в Дагестане, в международный финансируемый центр для джихадистов.

Но террористические движения Чечни и Дагестана не только входят в международную сеть террористов, им также можно приписать создание новых методов терактов, совершаемых террористами-смертниками.

Используя скорбящих женщин — членов семей погибших боевиков, чеченские террористы добились того, что когда российские власти отрубают голову пресловутому дракону, на ее месте вырастает еще несколько в виде так называемых «черных вдов».

Две чеченских войны

Терроризм в России берет начало в регионах Северного Кавказа — Дагестане, Северной Осетии, Ингушетии и Чечне.

Враждебные русско-чеченские отношения восходят к присоединению Чечни к Российской империи в 1870 году.

Попытки Чечни обрести независимость от России закончились кровопролитием и непрекращающейся с тех пор войной.

В 1944 году более полумиллиона чеченцев, ингушей и представителей других северокавказских народов были сосланы советским правительством в Сибирь и Центральную Азию в качестве наказания за сотрудничество при вторжении немецких войск в 1940-1944.

После долгих лет под властью Российской империи, затем большевистской России, а позднее Советского Союза, Чечня, наконец, смогла воспользоваться распадом Советской России в начале 1990-х годов.

После распада Советского Союза, Чечня провозгласила независимость в 1993 году как Чеченская Республика Ичкерия.

Лишь через год после того, как Чечня провозгласила независимость, правительство России воспользовалось внутренними распрями в республике и объединило свои силы с чеченскими сепаратистами, чтобы начать атаку на ее столицу, город Грозный.

Последовавший конфликт длился почти два года, завершившись в августе 1996 года после ряда кровавых столкновений, в ходе которых тысячи людей были убиты, ранены, или были перемещены в другие места.

И хотя в 1997 году был подписан формальный мирный договор, менее чем через два года Чеченская исламская интернациональная бригада начала вторжение в соседнюю Российскую Республику Дагестан.

Вооруженный конфликт завершился крупной победой России и привел ко второй Чеченской войне.

Эта война закончилась в мае 2000 года после того, как Россия установила прямое правление над Чечней.

Жесткая тактика России в ходе конфликта в корне изменили характер Чеченской борьбы за независимость, превратив ее в более широкое движение отщепеня, которое со временем стало подпитываться джихадистской идеологией.

Светский сепаратизм обернулся в джихад

Считается, что Ислам пришел на Северный Кавказ в 7 веке, однако лишь в 16 веке большинство чеченцев приняло эту религию.

Однако, как поясняет профессор Принстонского университета Майкл Рейнольдс, «устои и традиции чеченцев, известные как *asadat* от арабского слова, означающего «традиция», отличающие их от шариата, продолжали определять их жизнь.

Семь десятилетий подавления коммунистами религиозной практики, однако, оставили подавляющее большинство чеченцев в неведении относительно самой практики и доктрины своей веры, но с желанием узнать о ней больше.»

Таким образом, первая чеченская война не только привлекла огромное внимание международного сообщества по причине жестоких военных преступлений, но также породила радикальный Исламизм в Чечне и мгновенно вызвала интерес среди джихадистов всего мира.

По словам Рейнольдса, вместе с оружием террористы принесли на Кавказ строгую и суровую интерпретацию ислама, известную как салафизм.

Кроме того, знание арабского языка и умение цитировать в оригинале такие источники ислама, как Коран, в сочетании с готовностью жертвовать собой ради джихада показали себя убедительными для многих молодых чеченцев.

Таким образом, светское движение за независимость Чечни, которое началось в начале 1990-х годов, обернулось, в конце концов, в экстремистское из-за того, что привлекло внимание не той части международного сообщества.

Фаза повстанческого движения, которая последовала за второй Чеченской войной, закончилась лишь в начале 2009 года.

Террористы оказались способны не только оспорить правление Москвы в Чечне в течение девяти лет, но также создали постоянный центр радикальных исламистов, предположительно связанный с Талибаном.

И действительно, небольшая группа повстанцев все еще борется в Республике под флагом самопровозглашенного «Исламского государства Эмират Кавказа», и не так ослаблена, как Путин хотел бы заставить поверить международное сообщество.

Это заблуждение оказалось очевидным в преддверии зимних Олимпийских Игр 2014 года в Сочи. Две смертницы совершили нападения на центры общественного транспорта в Волгограде в декабре 2013 года.

Эти события в очередной раз напомнили россиянам об угрозе внутреннего терроризма и той критически важной роли, которую в этой угрозе могут играть женщины.

«Черные Вдовы»

Хотя в настоящее время джихадисты в Чечне считаются маргинальной группировкой и подавлены, они, тем не менее, смогли сохранить значительную степень влияния, используя женщин-смертниц.

Вторая Чеченская война явилась идеальной почвой для вербовки «черных вдов», многие из которых потеряли своих мужей, семьи и дома во время российской антитеррористической кампании в Чечне.

Сочетание религиозных и политических мотивов в дополнении к чувству скорби и потребности мести, оказалось эффективным мотивом в убеждении женщин присоединиться к джихадистскому движению.

Есть сведения, что почти половина взрывов террористов-смертников в России с 2000 года совершена женщинами-террористками.

По состоянию на август 2013 года, 46 женщин террористок-смертниц совершили взрывы в России, явившиеся кульминацией 26 террористических атак.

Соответственно, феномен «черных вдов» не может быть отнесен к серии отдельных атак, но является частью систематического плана по наказанию России за ее действия в Чечне.

В этом отношении смертниц, участвовавших в атаке в театре на Дубровке (2002 г.) и кризис с заложниками в школе Беслана (2004 г.) оставили глубокое впечатление на российских граждан и их взгляды на терроризм.

Но в то время как большинство экспертов считают, что «черными вдовами» движет, главным образом, горе, дебаты по поводу их точной мотивации остаются не до конца разрешенными.

По словам Энн Спекхард и Хапты Ахмедковой, женщин, ставших черными вдовами, они были глубоко травмированы насильственными смертями в их семьях.

Однако, душевная травма сама по себе не может объяснить их действий.

Спекхард и Ахмедкова также утверждают, что душевная травма была связана с пропагандистской идеологией террора, которой придерживается организация, способная снабдить женщин всем необходимым для совершения теракта.

Вив Гроскоп видит вещи совсем по-другому. Она считает, что чеченских женщин-мучениц скорее всего заставляют, шантажируют и промывают им мозги, доводя до смерти.

Тем не менее, вне зависимости от мотивировки, один факт остается неизменным: черные вдовы всегда действуют от имени повстанческой группы.

Они стали неотъемлемой частью действий чеченских террористов по отмщению России.

Дагестан в фокусе

Во многих отношениях для Москвы подавление джихадистов в Дагестане, а также сохранение там относительной стабильности, оказалось, более сложной задачей, чем в Чечне.

Дагестанцы в основном мусульмане-сунниты.

Тем не менее, фундаменталистско-салафитская ориентация недавно вытеснила традиционное направление суфийского суннитского ислама, вызвав серьезные беспорядки.

Как и в Чечне, финансирование из стран Ближнего Востока вызвало появление экстремальных религиозных движений в Дагестане, предоставило информацию о глобальном джихаде и создало тесные связи с экстремистами в Саудовской Аравии.

Это, по сути, направило ислам в Дагестане в сторону ваххабизма и создало насильственный раскол в обществе.

Попытки России бороться с экстремизмом привели лишь к обострению кризиса.

В начале 2000-х был достигнут определенный прогресс в направлении достижения мира между суфиями и салафитами после того, как правительство Дагестана приняло ряд мер по смягчению политики в отношении групп боевиков-повстанцев.

Эти меры были сосредоточены скорее на реинтеграцию повстанческих групп в общество, а не их преследование.

И хотя такая политика не принесла немедленного мира в регионе, она, тем не менее, помогла начать диалог между двумя религиозными группами.

Это не означало, что теракты в Дагестане полностью прекратились.

В августе 2012 года, видный лидер суфистского движения и пятеро его последователей были убиты террористкой-смертницей.

Убийство Саида Афанди — как сообщается, часто критиковавшего ваххабизм — способствовали дальнейшей эскалации напряженности в Дагестане.

Согласно отчету Международной Кризисной Группы от 2013 года, серьезный сдвиг в действиях дагестанского правительства по достижению безопасности произошел после избрания в качестве президента Рамазана Абдулатипова.

Кампания запугивания религиозных лидеров салафитов заставила многих из них оставить общественную жизнь и даже саму республику.

Также прокатилась волна арестов и казней не только родственников, знакомых, подозреваемых пособников боевиков, но и верующих салафитов в более широком плане.

В докладе кризисная группа приходит к выводу, что Москва фактически поддержала эту жесткую политику, так как хотела быстрого решения проблем Дагестана в преддверии зимних Олимпийских игр в Сочи.

В то же время, многие аналитики утверждают, что жестокое подавление ваххабитов в Дагестане только усугубляет проблему.

По их мнению, Москва должна быть готова к неминуемому извержению на Северном Кавказе.

Путин ходит на цыпочках?

Несмотря на то, что вопрос о террористических организациях на Северном Кавказе довольно сложен и они начинают перетекать в Южный Кавказ, Путин добился определенных успехов в использовании местных актеров в Чечне и Дагестане для охоты на них.

Пожалуй, наиболее высокий рейтинг был у местного актера Ахмада Кадырова, лидера мятежников, который перешел на сторону России в разгар второй чеченской войны, прежде чем стать президентом республики в 2003 году.

Сын Кадырова, Рамзан, заменил отца на посту президента в 2007 году, и также стал ценным союзником Путина в регионе.

Основная поддержка Москвой нынешнего президента Чечни приходит в форме финансирования антитеррористического подразделения, известного как «кадыровцы».

Это подразделение, несомненно, сыграло важную роль в обеспечении соблюдения жесткой репрессивной политики Путина по отношению к террористам в преддверии Сочи.

Тем не менее, в то время как Рамзан принес относительную стабильность в Чечню, это не прекратило обвинений в коррупции и нарушениях прав человека, которые просто подлили масла в огонь чеченской враждебности по отношению к России.

Это, в свою очередь, вызвало появление своего рода международный контроль, которого Путин хочет избежать.

Наряду с широким международным осуждением, комментаторы, такие как Фарид Закария высмеяли действия Москвы в Чечне и Дагестане.

Он считает, что если бы Россия подошла к проблеме Чечни с меньшей жестокостью и пошла на уступки, оппозиция была бы намного более управляемой.

Закария также напоминает нам, что чеченское восстание не было изначально орудием исламского экстремизма и не должно было им стать.

Теперь, учитывая характер и свирепость террористов, с которыми она сталкивается, Россия может не иметь выбора, кроме как продолжать тушить огонь при помощи огня.

Но это не означает, что Путин не был успешен, обрамляя свои действия в Чечне как антитеррористическую кампанию.

Вместо того, чтобы представить вторую чеченскую войну как борьбу России против попытки автономной республики обрести независимость, он сумел изобразить ее как часть глобальной «войны с терроризмом».

Эта смена парадигмы принесла большее принятие действий Путина в Чечне Западом.

Кроме того, комментарий по поводу сосредоточения на глобализации терроризма в сети Интернет и других медиа-ресурсах служит напоминанием, что доморощенный терроризм в России является проблемой с международными последствиями.

Это также вполне помогает понять и, конечно, оправдывает поддержку Путиным Сирийского лидера Башара аль-Асада.

Больше всего на свете Путин опасается выплеск сирийского кризиса в Чечню.

Авторитарный режим, который подавляет своих граждан является более благоприятным, чем тот, который мог бы экспортировать еще большую неуверенность в Россию.

Следовательно, Москва по-прежнему имеет личную заинтересованность в оказании финансовой и политической поддержки правительствам Чечни и Дагестана.

Без подобных кадыровых под контролем, иллюзия мира на Северном Кавказе может опять быть разрушена — в ущерб основной территории России.

На данный момент, однако, именно агрессивная внешняя политика России по-прежнему часто стоит на повестке дня в международных политических кругах.

Тем не менее, также важно учитывать свои внутренние проблемы, и, в частности, ту бомбу замедленного действия, которой является охваченный терроризмом Северный Кавказ.

Мировой терроризм: искусственный страх современности

*Антон Закутин
Политический аналитик*

Проблема мирового терроризма и возможность эффективной борьбы с ним обсуждается аналитиками и политическими деятелями далеко не первый год. Получив статус «мировой угрозы» образ ужасающего терроризма ворвался в Голливуд, международную информационную повестку и дискуссии на ведущих политических площадках. Небрежным образом объединив различные радикальные группировки в устрашающее понятие «мировой терроризм», мы создали симулякр глобальной угрозы и запустили необратимый процесс самоустрашения и демонизации данного явления. Да, глупо было бы отрицать то, что масштабы террористических атак возросли, что преступная сеть окутала континенты множеством ячеек, тем не менее, именно общее согласие с наименованием отдельно взятой преступной активности грозным эпитетом «мировой» легитимизировало новый статус терроризма. Терроризм как угроза человечеству, новый враг — все это в первую очередь было образом, позволяющим создавать целый комплекс новых механизмов в области внутренней и внешней политики в мире с явно доминирующим центром — США.

Нередко проблему терроризма рассматривают в разрезе глобальной демократизации, задаваясь вопросом: как развитие глобального рынка влияет на мировой терроризм? Кто-то, как американский теоретик Джеффри Франкел, стоит на том, что открытые международные структуры подразумевают расширение террористических сетей, кто-то, как известный исследователь терроризма Куинли Шауб, уверен в том, что глобализация снижает риск террористических атак. Так или иначе, мировой терроризм рассматривается как сторонний актер в процессе глобализации, огромный пласт исследований базируется на мысли о том, что любое экстремистское политическое действие идет вразрез с тенденциями расширения открытого общества и рынка. Но так ли это? Если мы обратимся к истории терроризма, мы увидим множество примеров кровавой борьбы за определенные ценностные устои, противопоставляющиеся культурной, религиозной или политической экспансии. Но справедливо ли назвать явление под кодовым названием «мировой терроризм» — ведущей антиглобалистской силой сегодня? Финансирование американской элитой, военная подготовка талибов и снабжение их современным на тот момент оружием, все это сегодня, что называется, секрет Полишинеля. Прямая и косвенная поддержка чеченских боевиков окончательно

открыла глаза на суть мирового терроризма. Террористические ячейки служили и во многом продолжают служить инструментом в большой геополитической игре. Любопытно в данном случае то, что экстремисты могут трактоваться как «свободолюбивые борцы», так и как «кровавые радикалы» в зависимости от контекста необходимого для установления той или иной силы, лояльной политической глобализации.

Ярые вопли неоконсерваторов США, их призывы к уничтожению исламского фундаментализма смотрятся актуально лишь при воинственной повестке отмщения за угрозу стабильности демократии. Праведный крестовый поход Буша выглядит особенно справедливым, когда тысячи публикаций и экспертных выступлений в едином порыве осуждают радикализм Ближнего Востока. В это же время, те же американские спикеры и политические деятели считают уместным выразить свое уважение стремлению кавказских сепаратистов в их подпольной борьбе с государством. Иными словами, перед нами открывается следующая неоднозначная картина: пока одна рука заносит меч над государством, укрывающим Усаму бин Ладена, другая рука щедро одаривает информационный рупор Доку Умарова. Такой «мировой терроризм» — отличный медийный продукт, который может приобретать разнообразные смысловые формы.

Так в чем же антиглобализм, если речь идет о мировом терроризме? Зарабатывая на геополитических противоречиях, террористические организации по всему миру являют собой пример циничного широкомасштабного бизнеса. Саудовская Аравия, как влиятельный инвестор, держит в тонусе подпольную сеть, охватывающую континенты. США, поддерживающие отряды сирийских боевиков, закрывают глаза на присутствующих среди них представителей той же Аль-Каиды, вызывавшей не так давно непомерный ужас у любого американского гражданина. В условиях глобальной информации отряды вооруженных экстремистов могут играть разнообразные роли, причем сами того не ведая. Решая зачастую свои региональные проблемы, воодушевленные метафизическими идеалами, рядовые террористы становятся массовой частью большого спектакля в театре утверждения проамериканской глобализации. Не нужно быть отъявленным конспирологом чтобы понять для чего зачастую политкорректность Голливуда обходит стороной арабов, рисуя их кровожадными фанатиками, не нужно быть экспертом информационных манипуляций чтобы задуматься почему вдруг на Ближнем Востоке с такой скоростью распространяется новость о сожженном где-то Коране или транслируется переведенная на арабский «Невинность мусульман». Какими глупыми должны быть аналитики и прогнозисты США, если при расчете последствий массированных бомбардировок, они небрежно не учли то, что это вызовет лишь рост поддержки радикальных сил в регионе.

Терроризм сегодня не является реальным вызовом современному мировому порядку. Многие террористические ячейки можно обозначить как игрушки-

марионетки с некоторыми порванными нитями. «Исламское государство», широко освещенное в международной повестке, — пример Франкенштейна, рожденного в лаборатории по борьбе с мировым терроризмом. В своей неистовой войне за «праведный облик ислама», эта организация почему-то настроена на разрушение суверенитетов и культурной пестроты региона. Провалив переворот в Сирии, радикальные исламисты устремились к новым целям, вероятно отличным от тех, что вызывали ожидаемую поддержку западных элит. Красочные постановки казней, работа в социальных сетях, отменная стилистика, все это описывает новый подход к освещению мирового терроризма. Все это так похоже на очередной блокбастер, рассказывающий нам о простом американском солдате, который победит «мировое зло». Терроризм не будет побежден, ведь он необходим оружейным корпорациям, нацеленным на огромные прибыли, СМИ, постоянно определяющим внешнего врага. Не менее необходим он и политической элите, мобилизующей население планеты на борьбу с ветряными мельницами, но не со спрутом, тесно сжимающим ослабевающие государства в своих щупальцах демократической глобализации.

Радикальный исламизм на Урале

Дмитрий Попов

К.ю.н., руководитель Уральского регионального информационно-аналитического центра РИСИ (Екатеринбург)

Алексей Старостин

Заместитель заведующего Кафедрой теологии Уральского государственного горного университета (Екатеринбург)

Несмотря на удаленность Уральского федерального округа от очагов конфликтов на постсоветском пространстве в мусульманской общине УрФО фиксируется постепенный рост радикальных настроений. Этому способствуют следующие факторы.

Авторитет «официальных» мусульманских структур в глазах верующих, и, прежде всего, молодежи, падает в результате их организационной разобщенности и личностных противоречий духовенства. В регионах УрФО число муфтиятов варьируется от 2 до 6. Наиболее острая конкуренция с конца 1990-х гг. существует между Центральным Духовным управлением мусульман (166 местных организаций) и Духовным управлением мусульман Азиатской части России (46 местных организаций). При этом ЦДУМ постепенно укрепляет свои позиции в округе, поскольку пользуется поддержкой властей в большинстве субъектов (Курганской и Челябинской областях, ХМАО, ЯНАО), тогда как региональные администрации Свердловской и Тюменской областей до сих пор заявляли о равноудаленном отношении ко всем мусульманским организациям.

Благоприятные условия для исламизма создает активная миграция в округ выходцев из Центральной Азии (Свердловская и Челябинская области) и Кавказа (Ямал, Югра), которые теперь составляют большинство прихожан в мечетях средних и крупных городов. Особенно остро проблема стоит на севере УрФО: по данным переписей, в ЯНАО численность народов, исповедующих ислам, за 20 лет возросла в 1,5 раза до 13,35% населения, а в ХМАО в 1,6 раза до 16%. Именно среди религиозно настроенных и при этом изолированных от общества мигрантов традиционно ведут работу эмиссары экстремистских структур. Параллельно в духовенстве (преимущественно татарско-башкирском) увеличивается доля имамов центральноазиатских и кавказских национальностей, более предрасположенных к радикальным взглядам.

Миграция в округ сопровождается прогрессирующим ростом межнациональной напряженности, что также наиболее заметно на севере УрФО в связи с массовым переездом сюда выходцев с Северного Кавказа

(дагестанцев, чеченцев). Число преступлений с участием последних в ХМАО только в 2013 г. выросло на 40%. При этом, как свидетельствуют сводки правоохранительных органов, кавказские ОПГ зачастую связаны с местными ячейками террористических исламистских организаций.

Все это в совокупности с информационной политикой СМИ, акцентирующей внимание на негативных аспектах жизни мусульман, провоцирует в обществе враждебность к исламу в целом. Усиливающееся недовольство жителей миграционной ситуации отмечают социологические опросы во всех субъектах УрФО за исключением Курганской области.

Названные факторы стали благоприятной средой для распространения в УрФО радикальных течений ислама: салафизма, Хизбут-Тахрир аль-Ислами (ХТ), Нурджалар, Таблиги Джамаат и Исламской партии Туркестана (ИПТ).

С конца 1990-х гг. салафиты (ваххабиты) активно действуют в северных регионах Урала, которые изначально использовались ими в качестве «баз отдыха» боевиков. Общее количество салафитов в ХМАО, например, оценивается в 2-3 тыс чел. (крупные «джамааты» есть в городах Нижневартовск, Сургут, Радужный, Нефтеюганск, Мегион). В отдельных населенных пунктах отмечены попытки силового захвата закрытыми сообществами салафитов местных мусульманских приходов (г. Покачи, ХМАО). Как правило, они имеют тесные связи с криминальным миром (на что указывает изымаемое в ходе обысков оружие и наркотики), стремятся обзавестись покровителями во властных структурах. Вербовочная работа концентрируется ими на таких категориях лиц, как местные жители, попавшие в сложные жизненные обстоятельства; мигранты; бывшие заключенные; славянские девушки, вступающие в браки с выходцами с Северного Кавказа.

В отдельных случаях проповедь имамов-салафитов ведется под прикрытием официальных организаций мусульман (мечеть «Нур-Ислам» в г. Новом Уренгое и мечеть «Рахмат» в г. Екатеринбурге, обе в ведении ДУМАЧР). Салафиты, обучающиеся в Саудовской Аравии и странах Ближнего Востока, выглядят более убедительными в полемике со священнослужителями традиционного ханафитского мазхаба, 49% которых не имеют даже формального духовного образования. При этом, несмотря на то, что в «салафитских» мечетях периодически изымается запрещенная литература, а их прихожане становятся участниками бандподполья на Северном Кавказе и в других регионах, власти часто испытывают трудности с их закрытием из-за ограниченности юридических инструментов.

Хизбут-Тахрир имеет свои ячейки как на севере (в Нижневартовске, Тобольске, Тюмени), так и на юге УрФО (в Челябинске, Магнитогорске, Сатке). Они отличаются высокой сплоченностью и координацией деятельности со структурами в других регионах (в частности, в Башкирии).

Основная работа членов ХТ сосредоточена на пропаганде своих идей, но при обысках у них также изымается оружие, психотропные вещества и схемы потен-

циальных объектов для нападений (здания правоохранительных органов, объекты инфраструктуры). Вербовка сторонников (помимо тех же категорий лиц, что и у салафитов) ведется среди татарских и башкирских вахтовиков, а также студентов и молодых специалистов, недовольных своим социальным положением. Благодаря этому в последние годы наблюдается расширение социального состава организации: если изначально в ней преобладали мигранты из ЦА, то теперь доля представителей мусульманских народов сократилась до 50%, а доля русских и украинцев возросла до 40%, средний возраст участников снизился до 18-30 лет, увеличилось число лиц с высшим образованием и детей обеспеченных родителей.

Претерпела изменение и тактика ХТ: в 2013 г. по примеру своих татарстанских единомышленников сторонники Хизбут-Тахрир на Урале перешли от тайных занятий на квартирах и осторожной вербовки последователей к демонстративным акциям (призывы к свержению правительства и построению халифата в интернете, пикеты и плакаты против «преследования» мусульман в России). Еще раньше они предприняли попытку выйти в публичное политическое поле (в 2012 г. одна из активисток ХТ оказалась участницей т.н. внесистемной оппозиции в г. Челябинске).

Наконец, с целью превращения мусульман в организованную оппозицию государственному строю России расположенные на Урале ячейки ХТ, салафитов и ИПТ все отчетливей заключают друг с другом тактические союзы, отказываясь от взаимных обвинений богословского толка и координируя действия в т.ч. по отправке неофитов в ряды боевиков в ЦА, на Кавказ и другие «горячие точки», например, киевский майдан в начале 2014 г. Реальной угрозой стало участие выходцев с Урала в вооруженных действиях в Сирии и Ираке в качестве боевиков т.н. «Исламского государства».

В целом, в УрФО наблюдается устойчивое увеличение числа сторонников радикальных исламистских организаций, что требует от государства принятия мер реагирования. Среди последних эксперты обсуждают необходимость законодательно запретить в России идеологию салафизма (ваххабизма), установив уголовную ответственность за ее распространение. Использовать при этом наработанный международный опыт стран дальнего (Сирия, Турция) и ближнего (Казахстан, Туркменистан) зарубежья.

Организовать курсы для имамов по традиционному для России толку ислама (матуридизму). А обучавшихся за границей имамов обязать проходить обязательную для продолжения религиозной деятельности переехав в Россию. Запретить лицам, причастным к экстремистской деятельности занимать духовные должности (имама-ахунда, имама-хатыба, раис-имама, имама, муэдзина и пр.) и вести религиозную проповедь.

Целесообразно учесть опыт Челябинской области, где с 2013 г. «с целью предотвращения деятельности общин радикального толка» разрешение на

строительство мечетей выдается только после согласования с муфтием от ЦДУМ Ринатом Раевым.

Также важно усилить контроль за финансированием религиозных организаций из-за рубежа. В государственных СМИ выделять печатные площади или эфирное время для духовно-нравственных материалов с участием авторитетных религиозных деятелей, ориентированных на утверждение среди мусульман традиционного ислама (сейчас такая программа выходит только в Челябинской области).

Многочисленные нарушения законодательства со стороны исламистов, уже подвергшихся уголовному наказанию, диктуют необходимость усиления уголовной ответственности (повышения реальных сроков лишения свободы) за преступления, связанные с участием в запрещенных организациях. При этом в ходе отбывания наказания целесообразно изолировать данный контингент от других заключенных, препятствуя пропаганде среди них радикальных идей.

Предпринимать другие необходимые меры, вырабатываемые в сотрудничестве с мусульманской уммой и экспертным сообществом.

Угрозы исламизма в Челябинской области: миф или реальность?

Елена Сытых

Кандадат культурологии, научный сотрудник Челябинского регионального информационно-аналитического центра РИСИ.

Челябинская область — развитый промышленный центр, обладающий большим культурным и человеческим потенциалом. Кроме того, территория области, будучи перекрестком многих транспортных путей, имеет значение и с геополитической точки зрения. Кроме того, Челябинская область — один из наиболее многонациональных регионов Российской Федерации. На её территории проживают представители более 130 национальностей и этнических групп. Национальная политика в регионе признается специалистами достаточно успешной. Конфликты, возникающие на этнической и религиозной почве, носят лишь спорадический характер.

В этой обстановке наличие предпосылок для возникновения этнического конфликта, а также угроза экстремизма в Челябинской области признается многими экспертами и общественными деятелями. Занимаясь данным вопросом на протяжении десяти лет и посещая конференции и другие мероприятия, посвященные данной проблематике, автор наталкивался на скепсис относительно актуальности данного вопроса. Многим представляется, что если проблема не стоит так остро как, например, в Южном федеральном округе, о ней и не стоит говорить.

Вместе с тем, данные, полученные в процессе изучения проблемы экстремизма в Челябинской области вообще и радикального исламизма в частности, позволяют заключить, что наиболее острые конфликты порождаются экстремистскими течениями ислама, привносимыми в область извне.

Сказанное позволяет обрисовать проблему: наличие в Челябинской области экстремистской угрозы и слабое осознание общественностью этих факторов.

Конкретные факты свидетельствуют, что на протяжении последних десяти лет в Челябинской области набирает обороты деятельность экстремистских течений ваххабизм и «Хизбут-Тахрир аль Ислами».

Благодатной почвой распространения радикального исламизма, в том числе в Челябинской области, стал раскол в российском исламе. На роль главенствующего среди российских мусульман претендуют несколько центров: Центральное духовное управление мусульман России (ЦДУМ) во главе с Талгатом Таджуддином, Духовное управление центрально-европейского региона России во главе с

Равилем Гайнутдином и Духовное управление мусульман азиатской части России, возглавляемое Нафигуллой Ашировым.

Они представлены и в Челябинской области. В 1994 г. было создано Региональное духовное управление мусульман Челябинской и Курганской областей в составе ЦДУМ. Оно традиционно активно сотрудничает с органами государственной власти. Большинство мусульманских общин региона сегодня относятся к ЦДУМ. Но ситуация осложняется тем, что мусульманские общины в Челябинской области подчиняются сегодня 4 муфтиятам: помимо ЦДУМ, мусульмане попадают под юрисдикцию ДУМ АЧР, ДУМ ЕР, ДУМ «Ассоциация мечетей России». К «Ассоциации мечетей», две общины которой есть и в Челябинской области, относится скандально известное медресе в Бугуруслане, выпускники которого подозреваются в связях с ваххабитами. Не входящие в состав ЦДУМ мусульманские структуры часто дискредитируют себя отсутствием управляемости со стороны органов государственной власти, а также систематически возникающими конфликтами, связанными с их деятельностью.

По свидетельству Р. А. Силантьева основными центрами ваххабизма в Челябинской области являются Озерск, Чебаркуль и Аргаяшский район. Немало ваххабитов и в самом Челябинске. «Однако, в отличие от многих других российских регионов, — резюмирует исследователь, — в Челябинской области ведется системная борьба с этим течением, и традиционные мусульмане здесь себя чувствуют вполне уверенно. Чего не скажешь о Свердловской и Тюменской областях»¹.

В Аргаяшском районе большинство мечетей зарегистрированы в ЦДУМ, с которым руководство области имеет соглашение о сотрудничестве. Аязгуловская и Акбашевская мечети подчиняются Азиатскому духовному управлению. Специалисты утверждают, что именно мечети попадают под пристальное внимание пропагандистов ваххабизма. Это почувствовали и имамы Аргаяшского района. Имам Дербишевской мечети, рассказал, что по Маржинбаево, Дербишево, Илимбетово, Тугузбаево прошли пропагандисты. При этом занимались этой работой только вечером, в темное время суток. Председатель Кулуевской махаллы тоже свидетельствовал об интересе со стороны экстремистов².

В 2001 году обычно тихая религиозная жизнь Челябинска омрачилась скандалом. Настоятель медресе при мечети Исмагила (Курчатовский район г. Челябинска) Салех Абдел Рахман Гази (гражданин Сирии, который, благодаря женитьбе, получил российское гражданство и обосновался в Челябинске) был заподозрен в пропаганде ваххабизма. Салех — первый казый Челябинской области от ДУМ

¹ Филичкин В. Экстремисты от ислама // Челябинск сегодня : интернет-сайт. 2011. 25 января. URL: http://cheltoday.ru/articles/obshchestvo/ekstremisty_ot_islama/ (дата обращения: 15.10.2014);

² Хибатуллина Р. Ваххабизм... Угроза реальна // БезФормата : интернет-сайт. URL: <http://argayash.bezformata.ru/listnews/vahhabizm-ugroza-realna/372336/> (дата обращения: 15.10.2014);

АЧР. Казыят был образован на основе 15 челябинских общин, вышедших из состава Регионального ДУМ Челябинской и Курганской области.

В мечети Исмагила он организовал медресе, где стал обучать всех желающих арабскому языку, открыл кружок по изучению языка и в библиотеке имени Баби-ча (татаро-башкирская библиотека). На занятиях Салех подчеркивал, что имеет обширные связи в ближневосточных странах. Он организовал и поездку настоятеля Троицкой мечети Наила Усмана на учебу в Ливию. Были также организованы стажировки нескольких южноуральских юношей и девушек в Тюмени и в Бугурусланском медресе. Помогал деньгами тем, кто желал совершить хадж в Мекку. Одним из наиболее серьезных фактов, подтверждающих его связи с экстремистами, является издание ваххабистской книги «Исламская акида — вероубеждение» при участии Нафигуллы Ашарова.

Деятельность Салеха спровоцировала несколько стычек между сторонниками ДУМ АЧР и ЦДУМ. В местных СМИ стали появляться статьи о распространении ваххабизма в Челябинске, Магнитогорске и других городах области. После публикации в газете «Возрождение Урала» статьи «Ваххабизм пришел на Урал?», Салех подал на автора статьи в суд. В исковом заявлении сказано, что она порочит честь, достоинство, деловую репутацию Салеха как преподавателя, а также наносит ущерб семейной жизни. Ответчик — автор статьи Асия Хамзина, на тот момент занимавшая пост председателя комитета по делам национальностей, религиозных и общественных организаций администрации Челябинской области.

Из 40 претензий к автору была подтверждена только одна¹. Газета «Возрождение Урала» должна опубликовать опровержение о поджоге мечети. В остальных претензиях истцу отказано. Поскольку репутация Салеха и возглавляемой им организации была испорчена, а к проблеме ваххабизма было привлечено внимание общественности и власти, он отошел от дел.

К сожалению, с уходом Салеха, проблема ваххабизма в Челябинской области не только не снята, но и обостряется. Об этом свидетельствует хотя бы эпизод от 17 января 2013 в Богдановском сельском поселении Кизильского района Челябинской области: на месте будущего строительства церкви был сожжен православный крест. Поджег совершен днем, злоумышленники особо не скрывались. Сотрудниками органов внутренних дел Челябинской области и Республики Башкортостан по подозрению в совершении данного преступления задержаны двое жителей города Сибай. Оба из задержанных мужчин исповедуют ваххабизм.

Деятельность ваххабитов параллельно разворачивается и в сети Интернет. Челябинский исламовед М. Гуляева упоминает об одном из эпизодов информационной войны, развязанной экстремистами против традиционного ислама. В Интернете была растиражирована клевета на челябинского муфтия Рината Раева, о том,

¹ Чистосердова Н. В иске отказано // Mediazavod : интернет-сайт. 2011. 12 июля. URL: <http://mediazavod.ru/articles/4119> (дата обращения: 15.10.2014);

что он якобы призвал жителей села Арсланово найти могилу любого старого мусульманина, и каждый год поклоняться этой могиле и совершать к ней хадж. Когда информация стала известна жителям деревни, они, будучи дезориентированными, обратились за комментарием к «параллельному» муфтию от ДУМАЧР. Естественно, он подверг жесткой критике действия Рината Раева и призвал мусульман поклоняться одному только Аллаху. «Между тем, Ринат Раев никого не взывал поклоняться могилам, однако данная сплетня начала распространяться по сети Интернет, обрстая дополнительными «фактами»¹.

Все вышеописанные эпизоды свидетельствуют о том, что в области необходимо наладить системную работу по противодействию распространению ваххабизма. Причем существуют довольно четкие критерии, по которым можно распознать ваххабитскую деятельность. Р. А. Силантьев предлагает следующие индикаторы присутствия ваххабитов²:

Юрисдикция исламской общины. Если община не входит в состав ЦДУМ, а подчиняется ДУМ АЧР, ДУМ ЕР, ДУМ «Ассоциации мечетей России», есть смысл внимательно к ней приглядеться.

Место, где получал образование имам (Кувейт, Катар, Саудовская Аравия и др.). Появление в общине лица, получившего образование в традиционных центрах подготовки ваххабитов — тревожный сигнал для властей и правоохранительных органов.

Наличие пришлых мигрантов, которые создают новые мечети или внедряются в традиционные мусульманские общины. Итогом является появление в регионе вместо одного, официального муфтия нескольких конкурирующих между собой.

Информацию может дать также возраст, поскольку ваххабиты, как правило, молодые.

Важным признаком может стать национальность подозреваемого лица. Если он мигрант с Ближнего Востока, принявшие ислам русский, еврей, цыган и др., есть основания заподозрить их в сочувствии ваххабизму.

Мечеть, в которой молятся не моноэтническая паства, а люди многих национальностей и новообращенные, также является тревожным признаком (впрочем, как и покидание мечетей местными жителями, исповедующими традиционный ислам).

Ваххабиты не любят суфиев и шиитов. Также они враждебны христианам и РПЦ. Суфийская литература свидетельствует, что перед нами как минимум не ваххабит.

¹ Ордынский В. Ваххабизм в России: вопросы исламского образования // Этнорелигиозные исследования в Поволжье : интернет-сайт. 2012. 18 апреля. URL: <http://www.kazan-center.ru/osnovnye-gazdely/14/217/> (дата обращения: 15.10.2014);

² Из личного архива записей материалов, привезенных со Второй Всероссийской научно-практической конференции «Расулевские чтения: ислам в истории и современной жизни России», 4 — 15 МАЯ 2013, г.Троицк, Челябинская обл.

Если мечеть используется не по назначению — это явный признак экстремизма. Мечеть, которая открыта постоянно все 24 часа, и туда часто заходят молодые люди может сигнализировать о том, что это место сбора ваххабитов.

Помимо активизации деятельности ваххабитов, в Челябинской области набирает оборот деятельность экстремистской организации «Хизбут-Тахрир аль Ислами». С 2005 года правоохранительные органы Челябинской области начали борьбу с местной ячейкой данной организации, ранее особо не проявлявшей себя.

Поначалу организация ограничивалась распространением листовок. Листовки этой партии были найдены на улицах Магнитогорска и Челябинска, в торговых центрах и даже в здании областной администрации. Из рук в руки бумаги не передавались, а разбрасывались в местах большого скопления народа. Один из таких распространителей был задержан местной охраной в многолюдном торговом комплексе «КС» в Челябинске.

В 2006 г. в Магнитогорске в ходе оперативно-следственных действий, проведенных Управлением ФСБ РФ по Челябинской области совместно с прокуратурой Правобережного района и УВД города, задержаны трое участников городской ячейки «Хизбут-Тахрир». Задержанные занимались распространением литературы экстремистского толка, в которой содержались призывы создать на территории РФ исламское государство.

Последующие эпизоды говорят о том, что «Хизбут-Тахрир» уже не ограничиваются только лишь распространением литературы. В 2009 году предстали перед судом 4 участника данной организации. В ходе обыска у них были найдены боевые ручные гранаты РГД-5, брошюры с описанием взрывных устройств, правила конспирации при проведении терактов, а также фотографии объектов атаки — комплекс зданий ГУВД по Челябинской области, УФСБ РФ по Челябинской области, плотины Шершневского водохранилища. Эксперты-взрывотехники пришли к заключению, что обнаруженные взрывные устройства были готовы к применению.

Задержанные были осуждены в 2010 г., однако достаточных доказательств того, что на изъятых у членов ячейки фотографиях изображены места предполагаемых терактов, и что они были сделаны кем-то из подсудимых для их организации, следствие, по мнению суда, представить не смогло.

В октябре 2012 произошел еще один резонансный эпизод, связанный с деятельностью «Хизбут-Тахрир». В результате обыска в офисе внесистемной оппозиции, сотрудниками УФСБ в Челябинске были изъяты информационные материалы этой экстремистской организации. В офисе располагался челябинский региональный комитет по выборам в Координационное собрание несистемной оппозиции. По данным ФСБ, к работе офиса причастна женщина, которая вместе с мужем прошла обучение в Бугурусланском медресе «Институт Аль-Фуркан».

За короткое время ей удалось войти в доверие и заручиться поддержкой лидеров общероссийской несистемной оппозиции (в частности, Сергея Удальцова). Ее даже можно увидеть в эпизодах скандально известного фильма «Анатомия протеста-2»¹.

В августе 2012 г. сотрудники УФСБ по Челябинской области провели масштабную операцию, одновременно захватив пятерых главных вербовщиков ячейки «Хизбут-Тахрир» в Челябинской области. Следствием установлено, что задержанные активно воздействовали на сознание людей, члены организации навязывали определенные экстремистские убеждения, осуществляли призыв к вступлению в ряды своей партии, цель которой — изменение конституционного строя России. Традиционное толкование Ислама подсудимые в общении с прихожанами подменяли доктриной о создании всемирного исламского Халифата, предлагали для изучения экстремистские материалы и проводили по ним занятия.

Задержание актива ячейки не привело к ослаблению деятельности организации в области. 27 сентября 2013 г. пятничная молитва прихожан трех мечетей Челябинска была прервана спланированными действиями группы людей, которые с призывом защитить ислам от притеснений осуществили сброс листовок от имени «Хизбут-Тахрир», после чего скрылись из помещения молебных домов. В тот же день в нескольких многолюдных местах появились растяжки с текстом: «Ислам запрещен в России. Но нет бога, кроме Аллаха и Мухаммад его посланник!» и цитатами из Корана. В центральной части города молодые люди осуществляли одиночные пикеты, они несли в руках плакаты, повествующие о запрете Корана на территории России. Такие же акции состоялись в Москве и в Тюмени.

В рамках расследования уголовного дела по данному эпизоду были проведены следственные действия на территории Челябинска и населенных пунктов области. В ходе обысков изъято 223 брошюры и 63 книги религиозного содержания, 39 дисков, журналы и электронные носители, признанные экстремистскими: «Политическая концепция «Хизб-ут-Тахрир аль Ислами», «Как был уничтожен Халифат», «Идея» и другие². Шестеро лиц привлечены к уголовной ответственности.

2 октября 2014 г. в Челябинске сотрудники областного УФСБ России задержали еще четверых приверженцев «Хизбут-Тахрир», которые, активно участвовали в незаконной деятельности местной ячейки. При обысках по месту жительства задержанных изъяты оргтехника, литература и электронные носители с матери-

¹ ФСБ обыскала офис оппозиции в Челябинске в рамках дела об экстремизме // Ведомости : интернет-сайт. 2012. 22 октября. URL: http://www.vedomosti.ru/politics/news/5247131/fsb_obyskala_ofis_oppozicii_v_chelyabinske_v_ramkah_dela_ob (дата обращения: 15.10.2014);

² Батовкина Д. Установлены 12 сторонников «Хизбут-Тахрир», которые могли распространять листовки в Челябинске // Первый Областной : интернет-сайт. 2013. 23 октября. URL: <http://www.1obl.ru/news/eto-interesno/ustanovleny-12-storonnikov-khizb-ut-takhrir-kotorye-mogli-rasprostranyat-listovki-v-chelyabinske/> (дата обращения: 15.10.2014).

алами экстремистского содержания, которые направлены на экспертизу, а также флаги с изображением символики «Хизбут-Тахрир аль-Ислами». Трое из ныне задержанных непосредственно участвовали во всероссийской акции протеста 27 сентября 2013 года.

Как мы видим, представления о том, что угроза радикального исламизма не касается Челябинской области, не соответствуют действительности. Начиная с 2000-х годов, мы видим неуклонное нарастание деятельности экстремистов.

Вполне естественно заключить, что необходимо усилить меры по предотвращению распространения радикального ислама в Челябинской области. По мнению Р. А. Силантьева, наиболее действенным средством в борьбе с религиозным экстремизмом является пропаганда идей традиционного ислама. И в этом пункте традиционный ислам проигрывает экстремистам. Особенно это касается сети Интернет. Занимающаяся религиозным самообразованием молодёжь именно там получает первичную информацию об исламе, однако, если в видеопоисковике популярных социальных сетей попытаться найти информацию об исламе, мы выйдем, прежде всего, на информацию экстремистского содержания. Соответственно, требует усиления информационный компонент борьбы с радикальными исламистскими группировками и пропаганды традиционного ислама.

Еще один способ борьбы с экстремизмом — заключение соглашений между органами государственной власти и исламскими религиозными объединениями, практикующими традиционный ислам и конструктивно сотрудничающими с представителями власти. Так, между губернатором Челябинской области и верховным муфтием России Талгатом Таджудином в разные годы заключено несколько соглашений. В декабре 2010 года подписано «Соглашение о социальном партнерстве между Правительством Челябинской области Российской Федерации и Центральным духовным управлением мусульман России». В это соглашение были включены пункты об укреплении безопасности и стабильности общества, стороны обязались разрабатывать и реализовывать мероприятия, направленные на профилактику и противодействие проявлениям экстремизма на этнорелигиозной почве.

Подводя итоги, следует еще раз подчеркнуть, что постоянная эскалация напряжения, вызванного деятельностью радикальных исламистов в Челябинской области, свидетельствует о том, что эта проблема настолько серьезна, что пора более серьезно доводить ее до сведения широкой общественности. Дальнейшее игнорирование этого вопроса большей частью общества грозит дестабилизацией всему региону. Для борьбы с радикальным исламом также необходимы скоординированные усилия всего общества.

Турция и война с Исламским государством: геополитический и экономический аспект

Михаил Бакалинский

Кандидат филологических наук, г. Запорожье, Украина

Введение: историческое значение распада Османской Империи для Передней Азии

Турция — важнейший международный актор и один из претендентов на региональное лидерство на Большом Ближнем Востоке¹, в частности, в Передней Азии. Называться так Турция имеет право не только по военно-политическим и экономическим, но и по историческим причинам. Турция — это государство с имперским прошлым; это последний «Халифат», объединивший мусульман различного этнического происхождения от Западных Балкан до Аравийского полуострова. В отличие от Исламской Республики Иран, другого лидера в исламском мире, который как государство с XIX в. «тихо умирал» под контролем Российской и Британской Империй и начал восстанавливаться лишь после исламской революции 1978 г., Турция, этот Великий больной Европы, даже будучи распатанной и ослабленной внутренними причинами и внешним воздействием, довольно долго и успешно контролировала целый ряд «проблемных» регионов от Западных Балкан до Передней Азии.

Попытки дестабилизировать Большой Ближний Восток через развал Турции предпринимались еще в XIX в. По мнению ст. научного сотрудника Института Востоковедения РАН и заместителя руководителя научного центра «Арабский диалог» Фасиха Бадархана, озвученного на Международной конференции «Особенности современных интегративных процессов на постсоветском пространстве. Крым — новая реальность» (г. Ялта 15-19 октября 2014 г.), в XIX в. Англия и Франция попытались совершить «первую мировую перестройку», уничтожив Османскую Империю руками мятежного египетского эмира Мухаммеда Али. «Второй мировой перестройкой», по мнению ученого, стал развал СССР. Мы позволим себе не согласиться с мнением

¹ Термин «Большой Ближний Восток» или «Большой Средний Восток» используется в современной теории международных отношений для объединения в одно понятие регионов Северной Африки, классического Ближнего Востока и Центральной Азии [5].

Ф. Бадархана, отметив, что «второй мировой перестройкой» следует считать русско-турецкую войну 1877-1878 гг., когда утрата Османской империей контроля над Западными Балканами привела к мировой геополитической катастрофе — Первой мировой войне (эрцгерцог Австрийский был убит в освобожденном от османского правления Сараево), заложив основы всех вооруженных конфликтов Передней Азии и Ближнего Востока во 2-й половине XX в. Как отмечает востоковед А. Маначинский, именно в результате тайных договоренностей, достигнутых в ходе подписания в мае 1916 г. договора Сайка-Пико о разделе арабских владений Османской империи, был заложен «пороховой погреб Палестины» [2, с. 40]. Эту мысль необходимо продолжить, отметив, что раздел арабских земель Османской империи привел к созданию арабских национальных государств на территориях, населенных разными этно-конфессиональными группами, в том числе неарабского происхождения. Именно последствия такого раздела земель Передней Азии мы и наблюдаем в Сирии и Ираке. Таким образом, Первая мировая война и распад Османской империи стала «третьей мировой перестройкой», одним из последствий которой стало превращение Передней Азии и Большого Ближнего Востока в целом в «Зону нестабильности» и «Евразийские Балканы» [1, с. 65]. Самым масштабным и одновременно жестоким примером балканизации этого региона является война с радикальной организацией «Исламское государство Ирака и Леванте» или «Исламское государство» (далее ИГИЛ).

I. ИГИЛ: попытка очередной перестройки мира

Гражданская война в Сирии, в которой Турция выступила единым фронтом с арабскими монархиями против законного президента Сирийской Арабской Республики Башара Аль-Асада, не только нарушила многолетний принцип турецкой внешней политики «отсутствие проблем с соседними государствами» (здесь и далее перевод наш М.Б.) [24], но и породила нового общего врага всего региона — ИГИЛ. Созданный изначально как противовес исламистской организации «Фронт Аль-Нусра» с последующим вливанием в его ряды бывших военных из армии Саддама Хусейна и членов партии «Баас», ИГИЛ олицетворяет собой исламский фундаментализм, взявший на вооружение эффективные политические и PR-технологии, а также принципы ведения сетевых войн. Кроме того, ИГИЛ занимается незаконной торговлей нефтью и нефтепродуктами: по данным министерства нефтяной промышленности Турции за первые две недели июля 2014 г. доходы ИГИЛ от реализации иракской

нефти, составляли 1 млн. \$/день [25]. Террористическая деятельность ИГИЛ, как отмечает журнал *Foreign Policy*, может привести к пересмотру границ на Большом Ближнем Востоке, оформившихся после Первой мировой войны [17; 16], т.е. после «третьей мировой перестройки» в результате краха Османской Империи.

Для Турции эта ситуация опасна не только с т.з. региональной безопасности, т.к. террористическая деятельность ИГИЛ направлена на дальнейшую дестабилизацию Сирии и Ирака, являющихся «мягким подбрюшьем» Анкары, но и с экономической т.з.: дальнейшая эскалация конфликта отразится на инвестиционной привлекательности региона и может привести к перетеканию капитала в другие, «более стабильные» регионы. Этому беспокойству Анкары есть геополитическое объяснение. Сегодня в мире наметилась смена миропорядка: ипотечный кризис в США в 2008 г. и последующая за этим «Новая Великая Депрессия» продемонстрировали миру несостоятельность экономической системы, основанной на финансовом капитале. Как отметил в своем выступлении на пленарном заседании дискуссионного клуба «Валдай» Президент РФ В.В. Путин, смена мирового порядка (а явления именно такого масштаба мы наблюдаем сегодня), как правило, сопровождалась если не глобальной войной, не глобальными столкновениями, то цепочкой интенсивных конфликтов локального характера [3]. Фактически, ситуация с ИГИЛ в Передней Азии и на Большом Ближнем Востоке в целом на фоне явной несостоятельности модели финансового капитала вполне вписывается в данную логику: аналогичные финансовые кризисы 1913 г. и 1929 г. привели к двум мировым войнам и краху существовавших на тот период систем миропорядка. Крах миропорядка по итогам Первой и Второй мировых войн приводил к усилению позиций финансового капитала за счет вливания инвестиций в разрушенные экономики, основанные на промышленном капитале (наглядный пример — план Маршалла для Европы после Второй мировой войны).

Сегодня в мире наметилась аналогичная ситуация: экономика США, в основе которой лежит финансовый капитализм, построенный, по мнению американского экономического эксперта Д. Хендерсона, на спекуляциях и принципе «казино» [12], начинает сдавать позиции, доказательством чему является выход на первое место в мире по объемам ВВП Китая и переход США на второе место. В свете этого становится понятной логика США и других государств, в основе экономики которых лежит финансовый капитал: создать условия, при которых страны с промышленным капиталом станут зависимыми от стран с финансовым капиталом (как после обеих мировых войн).

По странному стечению обстоятельств ситуация с ИГИЛ разворачивается в регионе, экономика стран которого основывается именно на промышленном капитале. Это касается и экономики Турции, которая еще до начала кризиса ми-

рового порядка стала ощущать негативное влияние системного кризиса финансового капитала на свою экономику: еще в 2013 г. эксперты отмечали, что привязка турецкого бизнеса к банковской системе ЕС создает турецким операторам и финансовым группам проблемы по выполнению своих обязательств (причина — нестабильность финансового рынка ЕС) [10]. Таким образом, навязывание Турции прямого конфликта с ИГИЛ, вооруженные формирования которого на ряде участков подошли к ее южным и юго-восточным границам, явно преследует две цели: геополитическую — переформатирование Большого Ближнего Востока, а через него и всего Евразийского континента и экономическую — возвращение к эпохе доминирования финансового капитала за счет ослабления или разрушения позиций промышленного капитала, в том числе и турецкого.

II. Турция, иракский Курдистан и ИГИЛ: экономические точки соприкосновения

Вероятно, эскалация конфликта в Ираке с момента нападения подразделений ИГИЛ на г. Мосул в первых числах января 2014 г. продемонстрировала Анкаре всю непродуктивность политики создания альянса с радикальными исламистами в борьбе с президентом Сирии Асадом, и поэтому президент Эрдоган и правительство Давутоглу, несмотря на имперское прошлое Анкары и концепцию «неосманизма», возведенную до уровня государственной политики¹, не намерены втягивать Турцию в военное противостояние с боевиками ИГИЛ, а используют для этого ополчение иракских курдов –пешмергу.

Турция вынуждена принимать участие в борьбе с ИГИЛ, хотя бы косвенное, из-за иракского Курдистана, с которым Анкара расширяет сферу сотрудничества и старается играть все большую роль во внутренней политике этого автономного региона Ирака, который для Турции приобретает статус «стратегической глубины» — территории сопредельного государства, входящей в зону непосредственных интересов другого международного актора [4]. Рассмотрение Турцией иракского Курдистана как своей «стратегической глубины» в Ираке можно охарактеризовать как «углеводородополитику» [4, с. 232-235] — сочетание геополитики² и нефтегазовых экономических интересов: с начала этого года Анкара и Арбиль, несмотря на все протесты Вашингтона и Багдада, ведут перегово-

¹ Несмотря на провал в Болгарии [24], на Балканах реализация политики «нового османизма» на основе концепции мягкой силы в целом проходит успешно [13].

² Речь идет о реализации концепции «нового османизма»: еще до своего избрания на пост Президента Эрдоган добился политического подчинения иракского Курдистана, вынудив официальный Арбиль закрыть на территории этого субъекта Ирака все турецкие школы, открытые на средства своего главного политического и идеологического оппонента Фетхуллага Гулена [8].

воры по строительству газо- и трубопроводов, ведущих в Турцию, в обход запрета официальных иракских властей [7]. Нефтегазовые интересы Турции в иракском Курдистане объясняются стремлением Турции диверсифицировать источники нефти и газа для своей промышленности. Сегодня 58% всех поставок газа в Турцию поступает из России [14]. Это, а также факт за пределами высокой цены иранского газа, являющегося на сегодня единственной альтернативой российскому с т.з. поставляемых объемов¹ ($505\$/1000\text{м}^3$ при цене за российский в $400\$/1000\text{м}^3$) [26], делает Турцию объективно заинтересованной в дальнейшей диверсификации поставщиков газа, а потенциальные поставки газа из иракского Курдистана могли сделать Анкару менее зависимой от Тегерана и Москвы, в том числе, и в вопросах геополитики.

Однако именно энергетическая безопасность поставила Анкару в сложную ситуацию в вопросе участия/неучастия в кампании по борьбе с ИГИЛ: если по началу Турцию обвиняли в незаконных поставках курдской нефти на международный рынок, в частности в Израиль, и даже вынудили министра энергетики Турции выступать с оправдательными комментариями [22], то в последнее время в адрес Турции стали звучать обвинения в тайном сотрудничестве с боевиками ИГИЛ в сфере перепродажи нефти, добытой на захваченных месторождениях на севере Ирака, а также в сфере поставок дизельного топлива, произведенного из иракской нефти на подконтрольных ИГИЛ нефтеперерабатывающих заводах на территории Сирии [25]. В связи с этим Анкара, явно нехотя, но все же предоставила пешмерге коридор через свою территорию к приграничному сирийскому городу Кобани, осаждаемому боевиками ИГИЛ.

III. Экономические причины неучастия Анкары в военной операции против ИГИЛ

Тем не менее, о непосредственном участии вооруженных сил Турции в боях с ИГИЛ речь не идет, о чем дал понять президент Турции Эрдоган в ходе своего визита во Францию [11, с. 1]. По мнению генерального директора Международного института стратегических исследований (г. Москва) Арифаса Асалыоглу, высказанному на Международной конференции «Особенности современных интегративных процессов на постсоветском пространстве. Крым — новая реальность» (г. Ялта 15-19 октября 2014 г.), уход Анкары от

¹ Есть еще и азербайджанский газ по цене $330\$/1000\text{м}^3$, однако его объемов для удовлетворения потребностей турецкой экономики не достаточно [26].

прямого военного вмешательства объясняется коррупционным скандалом, потрясшим Турцию в преддверии выборов, прошедших летом 2014 г. По мнению эксперта, основные усилия Эрдогана и его премьер-министра Давутоглу направлены сейчас на решение именно этого вопроса, а не тушения пожара у границ беспокойной южной и юго-западной Анатолии, населенной преимущественно курдами и, в отличие от курдов Ирака, не являющихся лояльными Анкаре.

На наш взгляд, это далеко не единственная причина нежелания Анкары вступить в активное противостояние с ИГИЛ. Использование пешмерги создаст противовес силам собственно сирийских курдов, которые в случае успешной военной кампании смогут приобрести политический вес и снова вернуться к вопросу создания на севере Сирии курдской автономии, что будет представлять для Турции серьезную опасность [15], поскольку создаст еще один прецедент курдской автономии и даст турецким курдам, выступающим на стороне сирийских курдов, почву для требований создать аналогичный автономный регион в Турции. Таким образом, Анкара, принимая косвенное участие в борьбе с ИГИЛ, пытается играть на опережение.

Тем не менее, политика является наиболее концентрированным выражением именно экономики. Анализ материалов ведущих турецких СМИ показал, что косвенное участие Турции в борьбе с ИГИЛ объясняется сложной обстановкой в ее экономике [9; 19; 24]. Проведенный анализ позволил выделить следующие экономические причины неучастия Турции в активном противостоянии ИГИЛ:

Снижение индекса потребительского доверия

Индекс потребительского доверия является показателем готовности населения к затратам на приобретение потребительских товаров. По данным турецкого национального статистического агентства в октябре этого года показатели этого индекса в Турции сократились на 4,6% по сравнению с аналогичным показателем в сентябре. Анализ данных показал, что произошло снижение всех подкатегорий индекса потребительского доверия Турции:

а) индекс ожиданий общей экономической ситуации на следующий, 2015 год, упал на 10% по сравнению с аналогичным показателем в сентябре. Это означает, что в октябре количество людей, ожидающих экономического улучшения в ближайшие 12 месяцев, снизилось, что может говорить о снижении объективных факторов потенциального роста турецкой экономики;

б) индекс ожидания безработицы на ближайшие 12 месяцев снизился на 6,3% по сравнению с аналогичным показателем в сентябре. Причина снижения — увеличение числа опасующихся роста безработицы. Данные опасения обоснованы, т.к. в июле этого года уровень безработицы составил 9,8%, что более чем в 3 раза

превышает допустимый уровень по ЕС, куда Турция в течение вот уже более 50 лет безуспешно пытается вступить;

в) индекс ожидания роста доходов домашних хозяйств на ближайшие 12 месяцев снизился на 1,1% по сравнению с аналогичными показателями в сентябре;

г) индекс, отвечающий за рост сбережений, составил исключение, т.к. вырос на 9,4% в месячном исчислении. Тем не менее, этот показатель составляет лишь 26,1 пунктов, что свидетельствует о пессимистическом прогнозе (оптимистическим считается прогноз при показателе в диапазоне 100-200 пунктов). Также следует отметить, что общая динамика 10 месяцев 2014 г. нисходящая, и только в сентябре отмечен рост индекса потребительского доверия [23].

Потеря 4 позиций в рейтинге деловой активности *Doing Business* на 2015 г.¹

Несмотря на то, что в 2014 г. Турция улучшила показатели в рамках данного рейтинга на 3 позиции [21], а прогноз по индексу деловой активности *Doing Business* до конца 2014 г. ожидается положительным [20], в 2015 г. в свете эскалации конфликта на южных границах Турции в рейтинге Всемирного Банка *Doing Business* Турция опустится на 4 позиции. Проседание позиций Турции может иметь следующие негативные последствия: во-первых, это может отрицательно отразиться на уровне ее инвестиционной привлекательности, во-вторых, привести к оттоку капиталов из страны (Анкара столкнулась с этим во время прошлогодних уличных столкновений с полицией на площади Таксим в Стамбуле и в ряде крупных городов).

Общее ухудшение внешнеэкономических отношений из-за недальновидной внешней политики Анкары

По данным ассоциации турецких экспортеров из-за террористической деятельности ИГИЛ экспорт Турции в Ирак в 2014 г. сократился. В результате нишу Турции заняли поставщики Соединенного Королевства. Это был сильный удар по позициям турецких экспортеров, т.к. Ирак является вторым по объемам рынком для турецких товаров.

Из-за внешнеполитического конфликта Турция сократила товарооборот с Египтом и Сирией. Турецкая экономика до сих пор не оправилась от падения товарооборота с Дамаском на 69% с момента начала в Сирии гражданской войны. В Египте из-за поддержки Эрдоганом ныне свергнутого президента Мохаммеда Мурси и исламистской организации «Братья мусульмане» египетские СМИ призывают бойкотировать турецкую продукцию. Кроме того, власти Египта по вышеуказанным причинам заявили о непродлении соглашения о международной

¹ Рейтинг Всемирного Банка, отвечающий за комфортность ведения бизнеса в 189 странах.

торговле, срок действия которого истек в апреле 2014 г. Непродление соглашения означает подорожание провоза товаров грузовым транспортом до 12000\$ за грузовик, что в итоге приведет к снижению конкурентоспособности турецких товаров.

Неутешительные прогнозы экспертов о «туманности перспектив экспорта турецких товаров», вытеснение Турции с ведущих позиций в Ираке Соединенным королевством и усиление присутствия КНР в странах Передней Азии могут привести к существенному ухудшению ситуации в турецкой экономике и будут дополнительным аргументом для перетекания капиталов в «более благоприятные регионы», что вполне соответствует планам международных акторов, основой экономик которых составляет финансовый капитал.

Заключение

Анализ геополитической обстановки в Передней Азии с учетом экономической ситуации в Турции говорит о том, что нежелание Анкары втягиваться в вооруженный конфликт с ИГИЛ вызвано ее опасением дальнейшего ухудшения своих экономических показателей. Изучение вопроса смены миропорядка в историческом аспекте показало, что ослабление позиций Турции регулярно приводило к эскалации конфликтов в регионе Передней Азии. Данный факт в сочетании с внутривосточной напряженностью, связанной с коррупционным скандалом, явными просчетами во внешней политике, обвинениями в причастности к экономическому сотрудничеству с ИГИЛ и опасением обострения курдского вопроса в самой Турции привели к тому, что Анкара ограничивается лишь дипломатическими заявлениями и предоставлением иракской пешмерге коридора через свою территорию к осажденным сирийским курдам. Этим Турция намерена воспрепятствовать снижению своей инвестиционной привлекательности и падению уровня доходов своих граждан, что уже наметилось, учитывая снижение индекса потребительского доверия. Однако при этом она подрывает свой престиж международного актора, претендующего на лидерство на всем Большом Ближнем Востоке, что ставит Анкару в ситуацию «Вилки Молтона», явно не выгодную ей. Данная ситуация выгодна другому претенденту на лидерство на Большом Ближнем Востоке — Исламской Республике Иран, которая за счет активизации в вопросе борьбы с ИГИЛ укрепит свои внешнеполитические позиции, что лишит Анкару возможности диверсифицировать поставки нефти и газа из иракского Курдистана, в котором в последнее время стали усиливаться позиции явно проиранского движения «За перемены», оппозиционного действующему правительству иракского Курдистана, лояльного Анкаре, или возможности добиться пересмотра цены на газ из Ирана.

На фоне явно наметившейся смены мирового порядка Турция, как и 100 лет назад, стоит перед угрозой очередной «мировой перестройки» с вытекающим из этого крушением своей экономики, основанной на промышленном капитале. Ситуацию может изменить кардинальный пересмотр Анкарой своей внешней политики и сближение с международными акторами — обозначенными в «Валдайской речи» В.В. Путина как основные игроки в противостоянии финансовому капиталу — Россией, Китаем и Ираном. В беседе с автором этих строк Ариф Асалыоглу отметил, что в силу исторических, идеологических и геополитических причин Турция не сможет пойти на сближение с Ираном, однако опыт показывает, что такой прецедент имел место в 2010-11 гг., когда Анкара выступила гарантом прозрачности сделки по закупке Ираном урановой руды в Бразилии и начала демонстрировать тенденции смещения своего внешнеполитического курса в сторону Азии [18]; тогда это вызвало «серьезное опасение» на Западе, продемонстрировав реальную силу Турции. В прошлом году Эрдоган дважды ставил ЕС ультиматумы, заявляя о возможности пересмотра Анкарой внешнеполитического курса и выбора его страной вместо курса на ЕС вступление в ШОС.

Заявления Эрдогана о сближении с ШОС, укрепление экономического сотрудничества с РФ на фоне эскалации экономического и геополитического противостояния Москвы с Западом [6], а также ситуация вокруг ИГИЛ, к столкновению с которым Запад сознательно толкает Турцию, дает основание сделать предположение о вероятном очередном сближении Анкары с идеями евразийства, что позволит Турции занять достойное место в формирующемся евразийском геополитическом центре силы в новом многополярном мире.

Использованная литература

1. Бжезинский З. Великая шахматная доска: главенство Америки и её геостратегические императивы. — М.: Международные отношения, 1999. — 256 с.
2. Маначинский А. Ближний Восток: никогда не прекращающаяся война. Ретроспектива (1982-2006). — М.: Центр стратегической конъюнктуры, 2014. — 350 с.
3. Путин В.В. Мировой порядок: новые правила или игра без правил? [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://geopolitica.ru/article/mirovyy-poryadok-novye-pravila-ili-igra-bez-pravil#.VFHUNjSsXSk> (Дата обращения: 03.11.2014).

4. Рашид А. Талибан. Ислам, нефть и новая Большая игра в Центральной Азии. Пер. с англ. М. Поваляева. — М.: Библион — Русская книга, 2003. — 368 с.
5. Шарипов У.З. Американская концепция «Большого Ближнего Востока» и национальные трагедии на Ближнем и Среднем Востоке / Институт востоковедения РАН. М.: Центр стратегической конъюнктуры, 2013. — 280 с.

Электронные и печатные периодические издания

6. Тарасов С. Проснется ли у Турции ностальгия по Евразии. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.iarex.ru/articles/51019.html> (Дата обращения: 03.11.2014).
7. Ankara and Arbil intensify talks over oil deal // Hürriyet Daily News. Weekend. — March 15-16, 2014. — P. 8.
8. Ankara forces Arbil to close Turkish schools in KRG // Today's Zaman. — March 11, 2014. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.todayszaman.com/newsDetail.action;jsessionid=ijjTYW9KKPIPbgOg1h3zkdGH?newsId=341826&columnistId=0> (Дата обращения: 03.11.2014).
9. Consumer confidence sees considerable decrease in October // Today's Zaman. — October 30, 2014. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.todayszaman.com/business_turkish-oct-consumer-confidence-drops-to-703-points_363002.html (Дата обращения: 03.11.2014).
10. Dombey D. Turkey: GDP boost masks some scary numbers // The Financial Times. — Sep. 11, 2013. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://m.ft.com/beyond-brics/2013/09/11/turkey-gdp-boost-masks-some-scary-numbers> (Дата обращения: 03.11.2014).
11. France, Turkey: ISIL not just about Kobane // Hürriyet Daily News. Weekend. — November 1-2, 2014. — pp. 1, 9.
12. Henderson D. Fed: US rich-poor gap at highest level since 1800s (Interview to Press TV dated 17 Oct. 2014). [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=Zddqhd06pbU> (Дата обращения: 03.11.2014).
13. Macedonian ambassador praises Turkey's support for NATO bid // Today's Zaman. — February 19, 2014. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.todayszaman.com/news-339835-macedonian-ambassador-praises-turkeys-support-for-nato-bid.html> (Дата обращения: 03.11.2014).
14. Okumuş O. Turkey dependent on Russian gas via Ukraine. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.al-monitor.com/pulse/>

- originals/2014/03/turkey-still-needs-russian-gas-via-ukraine.html# (Дата обращения: 03.11.2014).
15. Peshmerga troops enter Kobani from Turkey, draw criticism from Syria // Today's Zaman. — October 30, 2014. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.todayszaman.com/anasayfa_first-peshmerga-forces-enter-syrias-kobani-from-turkey_363012.html (Дата обращения: 03.11.2014).
  16. Senior Pakistani Taliban leaders pledge allegiance to Islamic State // Foreign Policy. The South Asia Daily. — Tuesday, October 14, 2014/ [Электронный ресурс]. Режим доступа:http://southasia.foreignpolicy.com/posts/2014/10/14/pakistani_taliban_leaders_pledge_allegiance_to_isis_india_pakistan_armies_establish (Дата обращения: 03.11.2014).
  17. Sharifi N. ISIS Makes Inroads in Afghanistan, Pakistan // Foreign Policy. The South Asia Daily. — Monday, October 6, 2014. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://southasia.foreignpolicy.com/posts/2014/09/30/isis_makes_inroads_in_afghanistan_pakistan?utm_source=Sailthru&utm_medium=email&utm_term=%2AAfPak%20Daily%20Brief&utm_campaign=2014_The%20South%20Asia%20Daily (Дата обращения: 03.11.2014).
  18. The great mediator // The Economist. — Aug 19th, 2010. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.economist.com/node/16847136> (Дата обращения: 03.11.2014).
  19. Turkey falls 4 places in 'Doing Business 2015' ranking of WB // Today's Zaman. — October 29, 2014. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.todayszaman.com/business_turkey-falls-4-places-in-doing-business-2015-ranking-of-wb_362952.html (Дата обращения: 03.11.2014).
  20. Turkey Manufacturing PMI 2011-2014. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.tradingeconomics.com/turkey/manufacturing-pmi> (Дата обращения: 03.11.2014).
  21. Turkey rises 3 places in WB's 'Doing Business 2014' ranking // Today's Zaman. — October 29, 2013. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.todayszaman.com/business_turkey-rises-3-places-in-wbs-doing-business-2014-ranking_330110.html (Дата обращения: 03.11.2014).
  22. Turkish energy minister: We did not sell Iraqi oil to Israel // Today's Zaman. — October 28, 2014. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.todayszaman.com/business_turkish-energy-minister-we-did-not-sell-iraqi-oil-to-israel_362894.html (Дата обращения: 03.11.2014).
  23. Turkish Statistical Institute Press Release. Consumer Confidence Index, September 2014. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.turkstat.gov.tr/PreHaberBultenleri.do?id=16101> (Дата обращения: 03.11.2014).

24. Türkmen I. Turkey's growing regional alienation hampering trade // Today's Zaman. –October 29, 2014. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.todayszaman.com/anasyfa_turkeys-growing-regional-alienation-hampering-trade_362982.html (Дата обращения: 03.11.2014).
25. US says working with Iraqi Kurdistan to stop ISIL oil smuggling // Today's Zaman. –October 30, 2014. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.todayszaman.com/business_us-says-working-with-iraqi-kurdistan-to-stop-isil-oil-smuggling_363004.html (Дата обращения: 03.11.2014).
26. Yıldız: Iranian gas prices higher than int'l markets // Today's Zaman. — March 12, 2014. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.todayszaman.com/business_yildiz-iranian-gas-prices-higher-than-intl-markets_341897.html (Дата обращения: 03.11.2014).

Исламский фундаментализм и украинский национализм: общие черты и причины поддержки внешними силами

*Максим Исаев
Международный обозреватель, г. Ялта, Крым.*

I. Мнимость популизма киевской хунты

В течение последних месяцев первые лица украинского государства, сделали целый ряд громких заявлений. Вот только несколько из них:

президент Петр Порошенко, заявил, что Украина должна выработать стратегию, которая поможет вернуть ей статус великой космической державы [25], и это на фоне крушения в США ракеты «Антарэс», разработанной с участием украинского КБ «Южное» [34];

глава Верховной Рады Александр Турчинов отметил, что одной из основных задач нового парламента станет создание в Украине такой армии, которая будет одной из сильнейших в Европе [28], и это на фоне провала антитеррористической операции на Донбассе, где вооруженным силам Украины противостоят нерегулярные ополченцы;

министр иностранных дел Павел Климкин высказался, что Украина должна стать полноправным участником саммита стран Большой Двадцатки в качестве 21-й страны, заявляя, что от Украины зависит стабильность и выполнение правил в этом мире [31], это при том, что достоверно известно, что украинскую делегацию на переговорах в Женеве просили выйти за дверь [27];

Премьер-министр Украины Арсений Яценюк пригласил РФ для проведения «серьезных переговоров» по Донбассу на нейтральной территории [32], и это при том, что на саммите стран Большой Двадцатки Украина сама выступала в качестве предмета «серьезных переговоров».

С точки зрения метода фотографической фиксации приведенные заявления являются медийными вбросами популистского характера. Однако такой подход упускает из виду важнейшее правило политики: если поступки политика кажутся вам странными и непонятными, вы просто не понимаете их истинных целей [10, с. 259]; так же и в случае с политиками на Украине. Если рассмотреть эти громкие заявления с точки зрения теории управления массами, можно предположить, что они носят целенаправленный характер и направлены на зомбирование населения многострадальной Украины. Задача: раздуть в гражданах Украины эго не украинцев, представителей трудолюбивого и, главное, миролюбивого народа, а

так называемых «великих укров» — ущербных люмпенов, смысл жизни которых заключается в получении удовольствия от того, что «в сусиды на городи погнылы бурякы», хотя у самого этих бурякив давно уже нет. Однако этим задача не ограничивается, поскольку любая политтехнология должна иметь практическое применение. Тоже происходит и с данной политтехнологией, которую мы условно назовем «Проект «Великие Укры»». После формирования психотипа «великих укров» в их сознании формируется образ своего ареала существования (т.к. цивилизованным государством это уже не назовешь) как важнейшего региона с геополитической и геостратегической т.з., однако непонятого внешним миром: мы рвемся в Большую Двадцатку, а нас не пускают, в НАТО — и там замок, в ЕС — там отложение ратификации соглашения об Ассоциации и зоне свободной торговле до 31.12.2015 г. и стена на границе с Польшей в прямом смысле слова ([24]). С какой целью на Украине ставят такие эксперименты? Ответ на этот вопрос невозможно получить, не рассмотрев общую политическую ситуацию в современном мире.

II. Смена мирового порядка — причина появления нового императива внешней политики США

Окончание Холодной Войны с распадом СССР создало в мире ситуацию, при которой единственная оставшаяся сверхдержава, США, получив право властвовать безраздельно, лишилась главного — идеологического врага, вокруг конфронтации с которым и строилась вся внешняя политика Госдепа, начиная с середины 40-х гг.. За 10 лет однополярного мира Вашингтон смог уничтожить Союзную Республику Югославия, малую версию СССР, и приблизить границы НАТО к границам РФ, но и только. Отсутствие «нового врага» не позволяло Белому Дому добиться главного — создания Американской Империи. Тем не менее, в начале 2000-х гг. такой враг был найден — международный терроризм [10, с. 137 — 153]. Именно возникновение новой угрозы мировому сообществу в лице международного терроризма позволило США начать реализацию своего плана строительства Американской Империи как защитника демократического мира от «нового общего врага». Тем не менее, международный терроризм, как и любая другая политтехнология, с целью сохранения своей актуальности с течением времени должен видоизменяться. Анализ событий, произошедших в период с 2001 по 2014 гг., позволяет предложить следующую схему трансформации международного терроризма как политтехнологии США:

I этап — как повод для расширения сферы своих интересов на весь мир через взятие под контроль Центральной Азии и начала создания собственно Американской Империи;

II этап — как инструмент низвержения неугодных режимов в регионе Ближнего Востока и Северной Африки с целью получения контроля над Большим

Ближним Востоком¹ (проект «Арабская Весна»), что завершило бы процесс формирования Американской Империи²;

III этап — как собственно императив внешней политики с целью сохранения Американской Империи и существующего англосаксонского мирового порядка.

Из приведенных этапов наиболее актуальным в свете последних событий, в том числе на Украине, является третий. В своей знаковой «Валдайской Речи» президент РФ В. В. Путин констатировал факт процесса смены мирового порядка [5]. Система мироустройства, основанная на финансово-экономическом и военно-политическом доминировании США и их англосаксонских сателлитов, подходит к концу; доказательствами этому являются катастрофические провалы и просчеты во внешнеэкономической политике США [14] и окончание т.н. «Длинного столетия Армии США» [22], т.к. именно Армия США и политики, вышедшие из ее рядов, являлись главными пассионариями в политикуме США и авторами экспансионистской политики, приведшей в итоге к созданию Американской Империи. Кульминацией провала политики мирового доминирования США можно считать саммит АТЭС 2014 г., на котором вместо создания Транс-Тихоокеанского Партнерства (ТТП), которое вместе с Трансатлантической Зоной свободной торговли позволило бы США взять Евразию в экономические и политические «клещи», Обама довольствовался лишь подписанием с КНР «климатической сделки», что с геостратегической т.з. не сравнить с несбывшимися планами по созданию ТТП.

Указанные неудачи политики Госдепа и нарастающая мощь БРИКС и Ирана привели к пересмотру использования Вашингтоном политтехнологии международного терроризма, поскольку смена мироустройства, как правило, сопровождается если не глобальной войной, не глобальными столкновениями, то цепочкой интенсивных конфликтов локального характера [5]. Поэтому, активизация движения «Талибан», стремительное продвижение Исламского государства Ирака и Леванте (далее ИГИЛ) и, как это ни странно звучит, возрождение украинского национализма — это звенья одной цепи.

III. Исламский фундаментализм и украинский национализм: принципиальные сходства

Как отмечал в своем выступлении на Международной конференции «Особенности современных интегративных процессов на постсоветском пространстве. Крым — новая реальность» (г. Ялта 15-19 октября 2014 г.) ст. научный сотруд-

¹ Термин «Большой Ближний Восток» означает регион, протянувшийся от Северной Африки до индо-пакистанской границы [11].

² По мнению сэра Хэлфорда Макиндера, одного из теоретиков-основателей западной геополитики, каждый претендент на всемирное влияние должен контролировать евразийский центр [цит. по: 13], которым с т.з. политической географии и является регион Большого Ближнего Востока.

ник Института Востоковедения РАН, заместитель руководителя научного центра «Арабский диалог» Фасих Бадархан, выдвижение на авансцену исламского фундаментализма и украинского национализма, является, по сути, обращением к архаическим политическим системам, что, как мы считаем, является еще одним проявлением системного кризиса Американской Империи.

Исламский фундаментализм (ИГИЛ и «Талибан») и украинский национализм при всем кажущимся естественном характере, являются геополитическими проектами Запада. В пользу «искусственности» ИГИЛ говорит факт неиспользования Белым Домом в борьбе с ним своего главного и сильнеешего оружия — финансовых инструментов и санкций в отношении банковских учреждений, находящихся на территории Сирии и Ирака, подконтрольной ИГИЛ [21], а также в тех странах, которые являются де-факто спонсорами ИГИЛ (например, Турция и Катар), хотя аналогичные санкции против ряда банков РФ с началом эскалации ситуации на Украине Вашингтон ввел незамедлительно. О явной связи США с ИГИЛ говорит также следующее: представитель Пентагона заявил о том, что США могут рассматривать возможность наземной операции против ИГИЛ только в случае подтверждения факта наличия у исламистов ОМП (оружия массового уничтожения), однако в отличие от ситуации в Сирии в 2013 г., когда карта ОМП разыгрывалась Вашингтоном в качестве повода для ввода войск, в данном случае это предлог как раз для неиспользования наземных войск, в том числе по экономическим причинам: с момента начала воздушной операции против ИГИЛ акции основных производителей военной авиации и вооружения к ней подорожали, в среднем, на 5,2-8,3% [16].

Будучи геополитическими проектами Запада, исламский фундаментализм и украинский национализм имеют ряд черт, делающих их родственными политическими системами: они получили кредит доверия тогда, когда правительства, в основном либерального характера, не смогли воплотить все ожидания избравшего их народа. Свергнув режим талибов в Афганистане и поставив во главе прозападного Хамида Карзая, Запад заложил мину замедленного действия: во-первых, талибы были не уничтожены, а лишь вытеснены из Афганистана на сопредельные Федерально управляемые племенные территории Пакистана, а во-вторых, начав демократизацию исламского Афганистана «сверху», которая из-за сложившегося уклада жизни афганцев не находила у них поддержки, Запад стал искусственно создавать почву для роста недовольства прозападным либеральным умеренно исламским правительством Карзая, фактически толкая обездоленное население в объятия все тех же талибов — выпускников медресе, которые активно развивались на территории соседнего Пакистана еще со времен Афганской войны СССР. Талибы проповедовали идеи борьбы с коррупцией коррумпированных социальных структур [6, с. 41], что с т.з. теории потребностей является «производной потребностью» [9] и в условиях социальной нестабильности и низкого уровня

жизни имеет большую значимость и ценность, чем идеи демократии, которые с т.з. теории потребностей относятся к разряду «интегративных потребностей» [9], формирующихся и проявляющихся только при условии удовлетворения потребностей производного типа, к которым и апеллирует в первую очередь исламский фундаментализм.

Война в Ираке привела к свержению режима Саддама Хусейна, который хотя и не отличался демократичностью, более 20 лет контролировал Ирак — государство с весьма сложной этноконфессиональной ситуацией. Сменившие его проамериканские правительства либерального типа не справились с возложенной на них задачей, допустив при этом роковую ошибку — превратив Иракский Курдистан в де-факто независимое государство с богатейшими недрами и начав формирование структуры власти по религиозному принципу (в правительстве были одни шииты), официальный Багдад сделал суннитское меньшинство Ирака ущемленным в правах, создав почву для реваншизма, тем самым, создав идеологическую и политическую основу для деятельности суннитских фундаменталистов ИГИЛ. ИГИЛ всего лишь за полтора года трансформировался из одной многочисленных группировок исламистов в силу, которая смогла захватить треть Ирака и Сирии благодаря тому, что развернула удачную широкомасштабную кампанию, направленную на подрыв позиций либерального правительства в Багдаде; такую же тактику ИГИЛ избрал для проникновения в Афганистан и Пакистан [19].

Украинский национализм в качестве геополитического проекта был возрожден Вашингтоном не столько по причине его «антирусскости» и «антиросийскости», идеально вписывающимся в общий проект «Украина — не Россия», сколько по причине его родственности политической системе США. Известный американский аналитик П. Хеннингстен считает сложившуюся в США политическую структуру корпоратократии фашизмом [35]; при этом он интерпретирует понятие «фашизм» с позиции не аксиологии (в эмотивно-экспрессивном и агональном значении), а политической науки: поскольку фашизм — политическая система, построенная на симбиозе государственных и корпоративных интересов. П. Хеннингстен мотивирует свой тезис тем, что фашизм в США реализуется через военную составляющую их внешней политики, обслуживающей интересы ВПК [35], основанного на частных компаниях. Поэтому Белый Дом создает и активно поддерживает фашистские режимы по всему миру и в частности в Евразии: сначала Грузия эпохи М. Саакашвили, а теперь Украина с ее национализмом. В отличие от исламского фундаментализма, являющегося по сути лишь радикальной формой традиционного для Большого Ближнего Востока мировоззрения, украинский национализм стал интегрироваться в коллективное сознание населения Украины с помощью технологии «Окно Овертона»: сначала в качестве культурной практики, альтернативной советскоукраинской (1991-2012 гг.), а затем в качестве непосредственно государственной идеологии (2012 г. и до государ-

ственного переворота в феврале 2014 г.) с последующим влиянием на сознание граждан Украины и созданием психотипа «Великие укрыв».

Успех украинского национализма во многом обусловлен ошибками, допущенными либерально-олигархическим правительством В. Януковича. Оранжевая революция 2004 г. внесла в формирование национально-идеологического курса Украины элемент радикализма: он стал подчиняться формуле «ИЛИ-ИЛИ»: «или НАТО или внеблоковость; или Запад или Восток»; последующие за этим годы правления оранжевых сил подтвердили подобную радикализацию. Но именно это и заставило Партию Регионов включиться в борьбу и мобилизовать общество, результатом чего стало избрание В.Януковича президентом Украины. Исходя из этого, при всем минусе оранжевой власти у нее был существенный плюс: она смогла сформировать *национальную идею и идеологию* нации (хотя бы для ее радикально настроенной части). В тоже время пребывание у власти В. Януковича было отмечено, с одной стороны, снятием вопроса о потенциальном членстве Украины в НАТО, разрешением вопроса о базировании Черноморского флота РФ в Севастополе, а с другой стороны — к сожалению, *закостенением* национальной идеи, а вместе с ней и внешнеполитического курса. Сложившуюся ситуацию можно описать следующим образом: «мы не члены НАТО, но и не движемся на Восток». Таким образом, в национальной идее и идеологии нации образовался вакуум. Результатом такой политики либерально-олигархической Партии Регионов стал проход в Верховную Раду националистической партии Свобода (10,44%), а в феврале 2014 г. — национал-олигархический государственный переворот, реализованный во многом руками именно украинских националистов.

Как и исламский фундаментализм, украинский национализм имеет не только национальную, но и геополитическую программу: руководствуясь идеями теоретиков украинского национализма и украинской геополитики начала XX в., такими как Д.И. Донцов, они намерены отвоевать, как они считают, «исконно украинские земли Кубани» [30], которая в 1918 г. вела переговоры об объединении с Украинской Народной Республикой — политическим предшественником нынешней националистической Украины. Как и исламский фундаментализм, украинский национализм демонстрирует непринятие ценностей Запада: достаточно вспомнить видео, на котором боевики карательного полка «Азов» едва не избивали парня, заговорившего о европейском выборе Украины. При этом представители украинского национализма все чаще демонстрируют свою досаду и разочарование политикой правящего киевского режима, который хотя и демонстрирует черты национализма, по своей сути является либерально-олигархическим (сам президент Порошенко был министром иностранных дел и экономического развития и торговли в правительствах В. Януковича). Недовольство украинских националистов политикой киевского режима вполне обосновано: на фоне регулярной «накачки» о космическом статусе, мощнейшей

армии в Европе, членстве в Совбезе ООН и Большой Двдцатке вместо ненавистной РФ происходит обратное — Украину никуда не берут, ничего не дают, а заставляют покупать газ и даже уголь с ТВЭЛами (топливными элементами для АЭС) у России — ее идеологического врага. Демонстрация украинскими националистами недовольства политики правящего киевского режима приобретает все более милитаристский характер с ярко выраженными чертами «агональной тактики» [4, с. 87] по отношению к нынешней киевской власти — обвинениями в предательстве и угрозами. Так, в эфире телеканала ТВі командир штурмовой группы батальона «Донбасс» Тарас Констанчук заявил: «Если Петр Порошенко сдаст хоть один километр украинской земли в переговорах с ДНР и ЛНР, его ждет свержение, а власть в стране возьмут военные» [23]. Такое заявление с т.з. украинского законодательства классифицируется как «Публичные призывы к насильственному изменению или свержения конституционного строя или к захвату государственной власти, а также распространение материалов с призыва к совершению таких действий», которые являются уголовно наказуемыми деяниями, за которые, согласно ст. 109 уголовно-процессуального кодекса Украины, предусмотрено наказание в виде лишения свободы сроком до 5 лет [29]. Подобные дерзкие заявления являются свидетельством слабости политических и элит и, как следствие, вакуума власти в государстве, который необходимо заполнить. Таким образом, можно сделать предположение, что беспочвенная гиперпатриотическая пропаганда первых лиц постмайданной Украины на фоне укрепления позиций украинских националистов может быть вполне логичной: Вашингтон, разочаровавшись в либеральном олигархическом национализме, готовит информационное поле для «последнего и решительного боя»¹, схожего с тем, который ведет сейчас ИГИЛ и объединившаяся с ней Аль-Каида. Как ИГИЛ и «Талибан» на Большом Ближнем Востоке, украинский национализм ведет кампанию по популяризации себя среди населения Украины образа как «борца за идеи простого народа» в противовес идеям олигархата, в приверженности которым украинские националисты обвиняют нынешнюю киевскую власть, и которая, по их мнению, не способна реализовать ожидания простых граждан, в частности, удовлетворить их производные потребности на фоне стремительно ухудшающейся социально-экономической ситуации, а лишь пытается апеллировать к интегративному типу потребностей (патриотизм, самопожертвование ради государства, духовность) через ущербную тактику гиперреализма — ситуации, когда одно государство постоянно ждет неминуемой агрессии со стороны своего соседа и единственным выходом видит достижение более сильного в военном плане положения [7].

¹ Доказательство этого являются регулярные поездки «новой великой троицы» народных героев Украины — командиров карательных батальонов Семена Семенченко, Юрия Березы и Андрея Тетерука в Вашингтон «на консультации». Примечательно, что еще год назад по такому же сценарию готовили «вождей Евромайдана» — Яценюка, Тягнибока и Кличко.

Ущербность гиперреализма как политтехнологии правящего киевского режима доказана провалом 2-й и 3-й волны мобилизации. Все эти ошибки и просчеты правящего национал-олигархического режима создают благоприятные условия для укрепления позиций украинского национализма, который хотя и продемонстрировал свою слабость как политической силы (националистические партии «Свобода» и «Правый Сектор» не прошли в Верховную Раду за исключением их лидеров и их отдельных одиозных представителей). Тем не менее, прецедент НСДАП в Германии в 1932 г. и факт доступа украинских националистов к вооружению и их пребывание на полях гражданской войны на Донбассе делают их достаточно сильными противниками сложившегося киевского режима.

Однако украинский национализм не стоит считать геополитическим проектом исключительно антироссийской направленности. Как ИГИЛ и Талибан, задача которых создать управляемый хаос на всем регионе Передней и Южной Азии, создав очаги напряжения у границ одновременно нескольких стран [3; 6; 19], так и украинский национализм должен создать управляемый хаос возле границ не только РФ, но и ЕС. Причина этого заключается в том, что стратегической задачей США является не только ослабление РФ и, как результат, создание с ЕС Трансатлантической зоны свободной торговли, но ослабление самого ЕС¹. Таким образом, в случае необходимости Вашингтон может использовать украинский национализм как фактор дестабилизации ситуации на восточных окраинах ЕС. При этом стоит отметить, что страны ЕС сами дают повод для обострения отношений с украинскими националистами: в ответ на пассионарное заявление Порошенко о том, что на Донбассе Украина защищает Европу президент Чехии ответил, что такая защита «дорого обходится» [26]; ситуацию обострила также акция протеста, устроенная в честь приезда в Братиславу Порошенко, которого протестующие встретили с плакатами «Петр Кровавый». Поэтому с учетом попыток некоторых стран ЕС дистанцироваться от постмайданной Украины, а также поведение карателей из полка «Азов» по отношению к стороннику европейского вектора Украины «западный фронт» для украинских националистов — не такая уж и невозможная перспектива.

III. Украинский национализм как инструмент реализации на Украине политики «государственного терроризма» (на примере грузино-абхазского и грузино-осетинского конфликта)

В случае организации на Украине очередного переворота, на этот раз нацистского о котором предупреждает Президент РФ [20], развернутая на Донбассе

¹ Именно этим объясняется педалирование Вашингтоном поставок в ЕС своего СПГ, который из-за существенной дороговизны по сравнению с российским трубным газом [17] приведет к росту стоимости продукции нефтехимической промышленности стран Западной Европы и, как результат, вытеснению их аналогичной продукцией из США [18]; причем об этой негативной перспективе немецкие промышленники предупреждали еще в конце 2012 г. [15].

«антитеррористическая операция» антитеррористической быть перестанет, а употребление по отношению к ополченцам термина «террористы» будет бессмысленным по следующим причинам. Официальное определение понятию «терроризм» было принято в 2003 году на XIV сессии главного центра современной исламской правовой мысли Академии исламской юриспруденции при международной организации «Исламская конференция»: под «терроризмом» понимаются «лишенные правовых оснований агрессивные действия, запугивание или угрозы материального или морального характера, которые исходят от государств, групп или отдельных лиц, направлены против человека в отношении его религии, жизни, чести, разума или имущества и выражаются в любой форме «распространения нечестия на земле» [11, с. 13]. Вышеуказанный анализ принципиальных сходств между исламскими фундаменталистами из движения «Талибан», ИГИЛ и украинскими националистами говорит о том, что на Украине вслед за Ближним Востоком США в случае нацистского переворота на Украине планируют реализовать свою политику «государственного терроризма», которая, по мнению ученых, является наиболее действенным провокатором крайне негативных настроений, возникающих не только в международном сообществе, но и в отдельных регионах и даже государствах [11, с. 14].

Ниже приведена краткая характеристика государственного терроризма [11, с. 13 — 20]:

- диапазон и формы проявления (завуалированного или откровенно явного) государственного терроризма охватывают от политического и экономического давления на народные массы вплоть до применения вооруженного насилия;
- что касается информированности мировой общественности в западных СМИ и выступлениях официальных лиц в США и Европе об огромных жертвах, то вся такая информация упоминается вскользь и быстро заглашается.
- более того, власти утверждают о своем «законном» праве на продолжение применения вооруженных сил и военного присутствия ввиду необходимости гарантирования интересов в приобретении местных (стратегических по своей хозяйственной и военной значимости) ресурсов, а также для сохранения «демократических» государственных структур, навязанных извне.

Использование Вашингтоном политики государственного терроризма в странах постсоветского пространства не ново. Печальным примером является грузино-абхазская и грузино-осетинская война, как ее первый этап в начале 90-х гг., так и последняя «горячая фаза». Для начала рассмотрим события в Грузии в 90-е гг. через призму вышеуказанных характеристик государственного терроризма:

1) Президент Грузии Звиад Гамсахурдиа после провозглашения независимости Грузии заявил, что в Грузии не будет никаких абхазов, ни осетин, ни сванов, ни мингрелов — останутся только грузины [2, с. 23].

2) Вооруженные отряды «вора в законе» Джабы Иоселиани и грузинского министра обороны Тенгиза Китовани хлынули усмирять Абхазию и Южную Осетию, объявивших о независимости от Грузии [2, с. 4 — 5].

3) По Цхинвалу били танки и артиллерийские орудия, которыми командовал бывший криминальный авторитет, а ныне генерал грузинской армии, а окрестные села терроризировали обкуренные анашой грузинские ополченцы, врывавшиеся в дома и вымогавшие деньги и ценности [2, с. 24 — 25].

Через более чем 10 лет последовала вторая попытка реализации политики государственного терроризма США на Кавказе руками Грузии: 26 октября 2006 г. помощник госсекретаря США Мэтт Брайз в интервью российской газете «Коммерсант» разъяснил позицию США по поводу ситуации в Абхазии и Южной Осетии: «На наш взгляд, признание территориальной целостности Грузии дает ей право на проведение операций по уничтожению террористов» [12], а 8 августа 2008 г., в 23:30 по местному времени правительство Грузии приняло решение о восстановлении конституционного порядка в Южной Осетии [12]. Чем же закончилась «антитеррористическая операция» Тбилиси для самой Грузии? Читаем мнение эксперта: «война выявила еще одну проблему грузинского общества — его фашизацию: осетин в лучшем случае называли «безграмотными пастухами», и в отношении них и абхазов абсолютно не скрывалось намерение поглотить оба народа. Страна сегодня являет открытую угрозу безопасности соседей, и нужна ее денацификация. Это вопрос изменения культуры» [12]. Здесь вспоминается заявление премьер-министра Украины Яценюка о «нелюдях» на Донбассе [33].

С учетом вышесказанного и на фоне победы в Сенате США ястребов-республиканцев и неоконгов, которые уже приняли закон о придании Украине статуса особого союзника вне блока НАТО и которые открыто покровительствуют украинским националистам, украинский национализм и украинский нацизм как его логическое продолжение станет инструментом «государственного терроризма» США в Европе.

Выводы

Исламский терроризм и украинский национализм/нацизм — это геополитические проекты Вашингтона, целью которых является

создание управляемого хаоса в ключевых регионах Европы и Евразии, в частности, в районах мягкого и твердого подбрюшья государств, обозначенных в «Валдайской речи» президента РФ В.В. Путина как международных акторов,

выступающих в качестве противовеса однополярного мироустройства, навязанного мировому сообществу англосаксонским финансовым капиталом и Американской Империей;

ослабление экономических систем ключевых акторов Евразии и ЕС с целью решения экономических задач США.

При всей схожести украинский национализм и исламский фундаментализм имеют следующие отличия: если исламский фундаментализм представляет собой лишь крайнюю форму мировоззрения жителей Передней, Центральной и Южной Азии, украинский национализм — это искусственно привнесенный проект с использованием технологии «Окно Овертона» с целью трансформации сознания населения Украины и создания психотипа «Великие Укры». Успех геополитического проекта исламистов кроется в масштабной и тщательно продуманной пропагандистской программе, построенной на сочетании апелляции одновременно к производным и интегративным потребностям при имплицитном примате производных, что в условиях ослабления государственных систем прозападного либерального характера, а также социально-экономической напряженности в Передней и Южной Азии является удачным политтехнологическим приемом. Украинский национализм, являющийся продолжением американского фашизма, пока уступает исламскому фундаментализму в плане информационно-пропагандистской составляющей, инструментов и источников финансирования, а также поддержки международных акторов, однако частично компенсирует это достаточно высоким уровнем пассионарности, главными маркерами которой является гиперпатриотизм и русофобство, что делает вероятным его трансформацию непосредственно в украинский нацизм со всеми вытекающими из этого последствиями. Слабость либерально-олигархического правительства и постепенная потеря к нему доверия со стороны граждан Украины, что проявилось в рамках мероприятий, посвященных годовщине начала Евромайдана в Киеве, формирование в Сенате США большинства ястребов-республиканцев и неоконгов, не скрывающих своей поддержки именно украинских националистов, а также отказ делегации США и Канады поддержать резолюцию ООН о борьбе с героизацией нацизма свидетельствует о том, что украинский национализм как геополитический проект еще не полностью реализован и планируется как фактор дестабилизации не только Российской Федерации, но и ЕС. Анализ ситуации на Украине через призму и событий в Грузии в 1990-2008 гг. свидетельствует об экспорте на Украину политики «государственного терроризма», движителем которой как раз и выступает украинский национализм/нацизм.

Тем не менее, при всей своей опасности и угрозе, использование Белым Домом исламского фундаментализма и украинского национализма/нацизма в качестве императива своей внешней политики свидетельствует о системном кризисе политической системы США. Провал попыток Российской Федерации и других

международных акторов сформировать диалог с представителями исламского фундаментализма и украинского национализма свидетельствует не только о договороспособности этих архаических политических систем, но и о провале политики «мягкой силы», в частности Российской Федерации на Украине, которая была признана императивом внешней политики Российской Федерации в качестве «комплексного инструментария решения внешнеполитических задач с опорой на возможности гражданского общества, информационно-коммуникационные, гуманитарные и другие альтернативные классической дипломатии методы и технологии» [1]. В складывающейся геополитической ситуации жизненной необходимостью для руководства России является переход от политики «мягкой силы» к политике «умной силы», которая сочетает в себе элементы умной и жесткой силы [8, с. 42].

Исламский терроризм и украинский национализм — это трагедия стран Персидской, Центральной и Южной Азии, а также Украины, целенаправленно ослабленных внешним воздействием Запада и в частности США. Международное сообщество должно не только предотвратить экспорт данных политических систем, которым не место в современном мире, но и приложить усилия по «деисламизации» и «денацификации» этих стран.

Использованная литература

Монографии, научные и аналитические статьи:

1. Концепция внешней политики Российской Федерации. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.mid.ru/brp_4.nsf/0/6D84DDEDEDDBF7DA644257B160051BF7F (Дата обращения: 22.11.2014).
2. Литовкин В.Н. Российская Армия на Кавказе и Балканах глазами военного корреспондента. – Пушкино: Центр стратегической конъюнктуры, 2014. — 164 с.
3. Малишевский Н. Южный фронт против российско-китайского альянса. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://ria.ru/cj/20140729/1018010075.html#14066517256583&message=resize&relto=register&action=addClass&value=registration#ixzz3FNkri2rk> (Дата обращения: 21.11.2014).
4. Паршина О. Н. Концепт “чужой” в реализации тактики дистанцирования (на материале политического дискурса) // Филологические науки. — 2004. — № 3. — С. 85 — 94.
5. Путин В.В. Мировой порядок: новые правила или игра без правил? [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://geopolitica.ru/article/mirovoyoy->

- poryadok-novye-pravila-ili-igra-bez-pravil#.VFHUNjSsXSsk (Дата обращения: 20.11.2014).
6. Рашид А. Талибан. Ислам, нефть и новая Большая игра в Центральной Азии. Пер. с англ. М. Поваляева. — М.: Библион — Русская книга, 2003. — 368 с.
  7. Савин В. Замороженный кризис. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.geopolitica.ru/article/zamorozhennyu-krizis#.VG-oSjSsXSL> (Дата обращения: 22.11.2014).
  8. Савин Л. В. От шерифа до террориста. Очерки о геополитике США. — М.: Евразийское Движение, 2012. — 254 с.
  9. Сонгинайте Н. С. Социальная антропология Бронислава Малиновского / Н. С. Сонгинайте // Журнал социологии и социальной антропологии. — 1998. — № 2. — Том I. — С. 33 — 40.
  10. Стариков Н. Шерше ля нефть. Почему мы платим дань Америке?. — СПб.: Питер, 2012. — 272.
  11. Шарипов У.З. Американская концепция «Большого Ближнего Востока» и национальные трагедии на Ближнем и Среднем Востоке / Институт востоковедения РАН. М.: Центр стратегической конъюнктуры, 2013. — 280 с.
  12. Шейн О. Разгром грузинских захватчиков под Цхинвали. — М.: Эксмо, 2009. — 288 с.
  13. Уткин А.И. Американская империя. — М.: Изд-во Эксмо, 2003. — 736 с.
  14. Brooks R. Embrace the Chaos // Foreign Policy, November 13, 2014 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.foreignpolicy.com/articles/2014/11/13/a_strategyless_nation_america_democrats_grand_strategy_foreign_policy?utm_source=Sailthru&utm_medium=email&utm_term=%2AEditors%20Picks&utm_campaign=2014_EditorsPicks14%2F11RS (Дата обращения: 19.11.2014).
  15. Gloystein H. German industry warns could lose edge through high energy costs // Reuters. — Nov 8, 2012 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.reuters.com/article/2012/11/08/energy-industrials-competition-idUSL5E8M8DVE20121108> (Дата обращения: 22.11.2014).
  16. Hennigan W.J. Military firms likely to benefit from airstrikes in Iraq, Syria // Los Angeles Times. — October 2, 2014. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.latimes.com/business/la-fi-defense-contracts-20141003-story.html> (Дата обращения: 21.11.2014).
  17. Johnson K. Help Is Not on the Way // Foreign Policy. — March 7, 2014. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.foreignpolicy.com/articles/2014/03/07/help_is_not_on_the_way (Дата обращения: 22.11.2014).

18. Magill J. Shale gas gives North American petchem companies a competitive edge: S&P analyst. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.platts.com/latest-news/natural-gas/americas/shale-gas-gives-north-american-petchem-companies-21712134?wt.mc_id=energybulletin_powergascoal_campaign_060414&wt.tsrc=eloqua (Дата обращения: 22.11.2014).
19. Sharifi N. ISIS Makes Inroads in Afghanistan, Pakistan // Foreign Policy. The South Asia Daily. — Monday, October 6, 2014. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://southasia.foreignpolicy.com/posts/2014/09/30/isis_makes_inroads_in_afghanistan_pakistan?utm_source=Sailthru&utm_medium=email&utm_term=%2AAfPak%20Daily%20Brief&utm_campaign=2014_The%20South%20Asia%20Daily (Дата обращения: 19.11.2014).
20. Sharkov D. Putin Warns of Neo-Nazism in Ukraine and Europe Ahead of WW2 Memorial // Newsweek. — October 15, 2014. Режим доступа: <http://www.newsweek.com/putin-warns-neo-nazi-rise-ukraine-and-baltics-latvia-responds-look-mirror-277710> (Дата обращения: 21.11.2014).
21. Trindle J. No Blacklist Yet for Islamic State Banks // Foreign Policy. — November 12, 2014. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.foreignpolicy.com/articles/2014/11/12/iraq_syria_blacklist_sanction_islamic_state_banks_ISIS_IS (Дата обращения: 03.11.2014).
22. Wills S. New Strategic Geography Ends “Long Army Century” [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://cimsec.org/new-strategic-geography-ends-long-army-century/> (Дата обращения: 20.11.2014).

Информационные Интернет-издания

23. Батальон «Донбасс» выдвинул ультиматум Порошенко. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://press-post.net/batalon-donbass-vydvynul-ultimatum-poroshenko>. Дата обращения: 19.11.2014).
24. Польша приняла решение укрепить границу с Украиной. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://vz.ru/news/2014/8/27/702513.html>. Дата обращения: 19.11.2014).
25. Порошенко решил вернуть Украине статус великой космической державы. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://lenta.ru/news/2014/10/21/derzhava/> Дата обращения: 19.11.2014).
26. Президент Чехии ответил Порошенко: Не защищайте нас, это дорого обходится. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://europravda.com.ua/part/61404-prezident-chehii-otvetil-poroshenko-ne-zaschischayte-nas-eto-dorogo-obhoditsya.html>. (Дата обращения: 25.11.2014).

27. США, ЕС и Россия попросили Украину выйти за дверь. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://minprom.ua/news/152652.html> (Дата обращения: 19.11.2014).
28. Турчинов призвал построить в Украине одну из сильнейших армий в Европе. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://vesti-ukr.com/politika/76892-turchinov-prizval-postroit-v-ukraine-odnu-iz-silnejshih-armij-v-evrope> (Дата обращения: 19.11.2014).
29. Уголовный кодекс Украины (УК Украины) с комментариями к статьям. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://uazakon.ru/uk/109/default.htm> (Дата обращения: 19.11.2014).
30. Украина завоюет Москву, Кубань и получит границу с Грузией: комбат АТО. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.youtube.com/watch?v=PqkchGnYVm0> (Дата обращения: 19.11.2014)
31. Украина хочет заменить Россию в Большой двадцатке. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://ukraina.ru/news/20141115/1011171701.html> (Дата обращения: 20.11.2014).
32. Яценюк заявил, что предлагает РФ провести переговоры по Донбассу. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://ria.ru/world/20141118/1033924043.html> (Дата обращения: 25.06.2014)
33. Яценюк назвал ополченцев ДНР и ЛНР нелюдьми и нечистью. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://ria.ru/world/20140616/1012166072.html>. (Дата обращения: 20.11.2014).
34. Crashed US supply rocket Antares partly developed in Ukraine. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://indian.ruvr.ru/news/2014_10_29/Crashed-US-rocket-Ukraine/. (Дата обращения: 19.11.2014).
35. CrossTalk: Empire of Chaos: TV-show on RT dated 24 Nov. 2014. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=XLb9qkzFsu4> (Дата обращения: 25.11.2014).

Транснациональные террористические сети как инструмент международной политики

Владимир Киреев

Кандидат философских наук, политолог., г. Воронеж

Международный терроризм в современном мире это сугубо системное явление, являющееся прямым продолжением официальной политики, которая ведется в соответствии с интересами главных мировых игроков. Это не приятно заявлять публично, хотя данный факт ни для кого не является секретом. Разумеется, в настоящее время мы можем наблюдать и феномен терроризма на персональном или локальном уровне, но по сравнению с тем явлением, который мы затронем в данном тексте, он остаётся на «кустарном» уровне и не имеет, как правило, отношения к серьёзной политике. Международный терроризм, как способ оказания воздействия на политические процессы, принимаемые решения теми или иными политическими субъектами, является неотъемлемым инструментом в арсенале значительного числа современных государств. К терроризму, как способу решения стоящих перед ними вопросов, прибегают правительства, политические партии, крупные корпорации, религиозные движения, мафиозные группы.

На протяжении второй половины XX века к радикальному силовому воздействию, выходящему за рамки традиционной войны, например во время холодной войны, между США и СССР, когда наличие ядерного оружия сделало прямой военный конфликт проблематичным, прибегали обе стороны противостояния. У каждого блока были свои приоритеты и союзники. Так, СССР тяготел к поддержке левых и националистических светских движений. Прямую или косвенную поддержку от СССР и его союзников получали: Национальный фронт освобождения Южного Вьетнама, Фракция Красной Армии (RAF) в Германии, итальянские Красные Бригады, Организация Освобождения Палестины, Народное движение за освобождение Анголы и многие другие движения, прибегавшие в своей деятельности к радикальным насильственным мерам. Персональную поддержку от Москвы получал и «гений террора» Ильич Рамирес Санчес. Нам не известны упоминания об отношениях советского режима и ирландских повстанцев, но люди, боровшиеся за независимость от британской короны, вызывали явную симпатию в стране победившего социализма. Напротив, США поддерживали оппонентов прогресса и демократии из лагеря олигархических фашистских группировок и радикальных исламистов, интересы которых в вопросах геополитики экономически совпадали с собственными американскими.

Сейчас очевидно, что фактически весь исламский экстремизм является порождением дипломатии и работы спецслужб США: Аль-Каида, Талибан, ИГИЛ вышли «из под пера» англо-американских компетентных органов. Тесно сотрудничают специальные службы США и с организованными криминальными сетями, в числе партнёров ЦРУ можно назвать как итальянскую, так и американскую ветви Коза Ностры, Ндрангету, MS 13. На европейском континенте албанская мафия тесно сотрудничает с ЦРУ в деле распространения, транспортировки наркотиков и оружия, похищения людей. То же самое касается и игроков меньшего ранга: Китая, Саудовской Аравии, Франции имевших своих клиентов из числа экстремистских и террористических группировок и движений. Таким образом, мы видим, что экстремистские движения и организации, прибегающие к террору и терроризму являются неотъемлемой частью современного политического ландшафта, как бы не заявляли об обратном представители официальных органов тех или иных стран, обвиняя в поддержке радикалов только своих оппонентов, никогда не соглашаясь с тем, что они сами являются скрытым от посторонних глаз источником террора.

Ситуация в значительной мере изменилась в последние два десятилетия, после распада биполярной системы мира, вторым полюсом которой был Советский Союз. Соответственно, после краха СССР оказалась без поддержки и вся система его клиентов из числа политических режимов, движений, в том числе связанных с применением террористических методов в своей деятельности. В настоящее время единственным серьёзным покровителем и заказчиком террористической деятельности являются Соединённые Штаты Америки и их партнёры, такие как — Королевство Саудовская Аравия, Катар, Пакистан. Покровительство исламским террористическим сетям оказывает член НАТО — Турция. А Египет во время правления Мухаммеда Мурси и партии Аль-Ихван аль-Муслимун (Братья-мусульмане) и де-факто и де-юре был под властью террористической организации. Стоит помнить, что поддержку Мурси и «Братьям» оказывал политический режим в Вашингтоне, как в лице президента Барака Обамы, так и оппозиция в лице Джона Маккейна. Причина такого положения дел в том, что в сложившейся однополярной модели только одна страна и её союзники могут позволить себе безнаказанно осуществлять агрессивные действия против своих противников руками террористов. Эта ситуация становится возможной в силу тотального превосходства США и их союзников в области экономики, обычных вооружений, контроля над международными организациями, такими как ООН и ЮНЕСКО, мировым общественным мнением, посредством контроля основных мировых СМИ. Противники США попросту не могут себе позволить играть против них такими же методами. Единственная опасность, которая угрожает интересам США такого рода, это порождённая ими же самими угроза радикального ислама. При этом угрозе подвержены люди и объекты,

преимущественно не на их собственной территории, а в странах находящихся в той или иной степени под контролем американцев.

Причина высокой популярности решения политических и экономических вопросов путём использования услуг международных террористических сетей в большом количестве преимуществ, которые даёт этот способ. Понятно, что в сложившейся системе отношений даже мировой гегемон, которым является США, не может открыто, без потери репутации, применять насилие в отношении своих противников. Связь между заказчиком и исполнителем в данном случае не очевидна не только для рядовых исполнителей, но и для менеджеров террористических сетей среднего и даже высокого уровня. Они могут быть уверены, что выполняют заказ третьего лица, не понимая кто есть истинный заказчик и в чём его мотивация. Использование криминальных, экстремистских сетей снимает вопрос о финансировании, потому что нелегальные операции не подвергаются проверке официальными государственными и общественными организациями. Так ЦРУ получает нелегальное финансирование через контроль над распространением южноамериканского кокаина в США и производных опиатов, в том числе героина в Западной Европе и Российской Федерации. Проследить цепочку сбыта, получения средств и их использования становится невозможным, что позволяет избежать как обвинений в незаконной деятельности, репутационных рисков, так и возможности противодействия со стороны спецслужб противника. Очень значимую роль в использовании террористических сетей играет их дешевизна и высокая способность к проникновению на территорию противника. Если кадровых сотрудников для армии и спецслужб необходимо готовить годами, это дорогостоящая и сложная процедура, их транспортировка и выполнение заданий связано с рисками разоблачения, а гибель деморализует отправителя, то участники террористических сетей часто являются самыми настоящими волонтерами, они мотивированы своими собственными целями, участвуют в операциях время от времени и ничем не отличаются от местного населения. В той же России выгоднее не везти из-за рубежа профессионалов военного дела, а набрать и организовать местные кадры, имеющие какую-то свою мотивацию, какой бы она ни была. В террористических, экстремистских сетях профессионалами являются только менеджеры высокого и среднего звена, которые редко подвержены риску разоблачения и уничтожения, что делает их практически малоуязвимыми. Не менее важной частью сотрудничества с террористическими сетями является тот факт, что от них легко можно отказаться и объявить угрозой себе самим. Так, по мнению авторитетного источника из Ирана бригадного генерала Мохаммада Резы Нагди США сами создали ИГИЛ для того, что бы расширить своё влияние в регионе, а теперь заявляют об угрозе со стороны этой организации.

По мнению Ричарда Лабевьера, автора книги «Доллары террора: Соединенные Штаты и исламисты», интерес к использованию экстремистов, в том числе

исламских у Соединённых Штатов возник после второй мировой войны, когда американцы поставили задачу осуществления контроля над странами ближнего востока, в первую очередь обладающих большими запасами нефти. По мнению Лабевьера сам феномен «международного исламского терроризма» является порождением внешней политики США, заинтересованной в реализации своих интересов, заключающихся в контроле над нефтяными ресурсами Персидского залива, и шире Ближнего Востока, как региона дающего возможность контроля за регионами богатыми нефтью. Для обеспечения этой задачи необходимо было уменьшить влияние СССР и их союзников, которые преимущественно были арабскими националистами, такими как Гамаль Абдель Насер, Муамар Каддафи, Хафез Асад, позже Садам Хусейн. Поскольку СССР обладал большим авторитетом в мусульманском мире, стояла задача этот авторитет уменьшить и такая возможность возникла после ввода советских войск в Афганистан.

Согласно Ричарду Лабевьеру первый шаг к формированию этой действующей более полувека дружбе между исламистами и США было положено в феврале 1945 года, в процессе подписания между Ф.Д. Рузвельтом и королем Саудовской Аравии Абдель Азизом пакта Куинси, благодаря которому США получили контроль над добычей и привилегированным приобретением саудовской нефти. В месте с тем, США получили возможность размещения военных баз в этом стратегически важном с геополитической точки зрения регионе планеты.

Подписание пакта Куинси, стало отправной точкой для формирования альянса по формированию транснациональных исламистских сетей, главной целью которых было снижение влияния светского национализма и левых идеологий. США совместно с руководством Саудовской Аравии приступили к формированию сетей международного террора основанного на исламистской идеологии стремительно уходящей в прошлое в тот момент. Согласно исламистской идеологии светский национализм и социализм это идеологическое оружие, направленное против единственно верной религии — Ислама. Философское и организационное обеспечение формированию новой идеологии было взято у движения Аль-Ихван аль-Муслимун «Братья-мусульмане» которое с этого момента взято под покровительство ЦРУ и на финансирование Королевства Саудовская Аравия.

Это приобретение для США и его спецслужб оказалось знаковым, потому что позволило использовать исламизм против всех своих противников в регионе, в первую очередь против СССР. Сокрушительную роль этот инструмент показал во время нахождения советских войск в Афганистане, а после распада Советского Союза использовался на всём его пространстве, став своего рода ахиллесовой пятой для возникших из его осколков стран. Вокруг курирования и контроля транснациональных террористических сетей сложился альянс, продержавшийся многие годы и включавший: Королевство Саудовской Аравии, Катар, Пакистан и Турцию. Таким образом, возникли Талибан, Аль-Каида, Джебхат ан Нусра, ИГИЛ и многие другие международные сети. Террористические сети имеют

высшую приспособляемость, это мы видим на примере вскрывшегося сотрудничества лидеров Аль-Каиды с крупнейшей латиноамериканской криминальной корпорацией MS 13 (Mara Salvatrucha) имеющих филиалы в десятке стран обеих Америк, и контролирующих многомиллиардный оборот наркотиков, рэкета, нелегальных операций по «отмыву» и обналичиванию денег.

Методологически, транснациональные террористические сети действуют по принципу, лежащему в основании концепции сетевцентричной войны, разработанной по руководством вице-адмирала Артура К. Сибровски. Технологически террористическая сеть соответствует самым современным требованиям. В основании транснациональной террористической сети, лежит обмен информацией между всеми её участниками. Современная транснациональные экстремизм и преступность являются целостным пространством, имеющим все признаки традиционной армии и государства: она может выполнять различного действия широкого профиля: осуществлять работу со СМИ, с идеологией, финансовой сферой, способна подменять работу традиционного государства (Революционные вооружённые силы в Колумбии (ФАРК), Талибан в Афганистане, ИГИЛ в Сирии и Ираке), проводить военные операции разного типа интенсивности. При этом сеть способна свернуть свою деятельность в одной точке мира и перенести свою активность в другое место, образовав совершенно новую конфигурацию, в случае угрозы её деятельности.

Международные террористические сети обладают прогрессивным характером в использовании средств массовой информации и социальных сетей, так ИГИЛ активно использует технологии распространения информации в twitter, на youtube. В арабском мире сформирована молодёжная мода на ИГИЛ, продаются майки и толстовки с её символикой. Непривычно для постороннего наблюдателя выглядит то, что лидеры ИГИЛ составляют бизнес отчёты о деятельности организации, проводят экскурсии по захваченным территориям и снимают качественные фильмы, пропагандируя свою идеологию. Террор — это часть современного мира на всех уровнях: социальном, медийном, политическом, он встроен в мировую экономическую структуру и является её естественной частью. Разговоры западных лидеров о борьбе с международным терроризмом, являются не более чем символической фигурой речи. Международный терроризм это эффективный инструмент западной политики и проводимой Западом стратегии глобализации. Прямо в настоящее время США поддержали приход к власти очередного террористического режима, на этот раз в Киеве, экстремистскими сетями и идеологией оказалась опутана целая страна, лидеры украинских радикальных сетей прямо говорят о необходимости своей экспансии в Россию. Очевидно, что современный террористический интернационал является серьёзной угрозой для России и нам следует готовиться к противодействию в той войне, которая уже ведётся против нашей страны, а в ближайшее время приобретёт ещё большую интенсивность.

Реклама | Подписка | О нас | Контакты | Партнеры

Вячеслав Антухов [antuhoff] [Выйти](#)

PLURIVERSUM
глобальная политическая альтернатива

Идеократия | Метакультура | События | Фигуры | Аналитика | Библиотека | Рецензии | Стратегии | Глобалистика | Киберпространство | Досье

Выбрать регион: | [Новости](#) | [Фоторубрика](#) | [Видеофильм](#) | [Блоги](#) | [YouTube канал](#)

Выбор регионов: [RU](#) [UA](#) [BY](#) [PL](#) [FR](#) [DE](#) [IT](#) [ES](#) [PT](#) [NL](#) [SE](#) [NO](#) [DK](#) [FI](#) [CZ](#) [SK](#) [HU](#) [RO](#) [BG](#) [GR](#) [TR](#) [CY](#) [MT](#) [IE](#) [UK](#) [IS](#) [LU](#) [BE](#) [CH](#) [AT](#) [Austria](#) [Switzerland](#) [Germany](#) [France](#) [Italy](#) [Spain](#) [Portugal](#) [Netherlands](#) [Sweden](#) [Norway](#) [Denmark](#) [Finland](#) [Czechia](#) [Slovakia](#) [Hungary](#) [Romania](#) [Bulgaria](#) [Greece](#) [Cyprus](#) [Malta](#) [Ireland](#) [United Kingdom](#) [Iceland](#) [Luxembourg](#) [Belgium](#) [Austria](#) [Switzerland](#) [Germany](#) [France](#) [Italy](#) [Spain](#) [Portugal](#) [Netherlands](#) [Sweden](#) [Norway](#) [Denmark](#) [Finland](#) [Czechia](#) [Slovakia](#) [Hungary](#) [Romania](#) [Bulgaria](#) [Greece](#) [Cyprus](#) [Malta](#) [Ireland](#) [United Kingdom](#) [Iceland](#) [Luxembourg](#) [Belgium](#)

Диалог между цивилизациями: путь обудания межконфессиональной борьбы
RUSSIA G20 и глобальный диссенсус
Стихий и судьба информационной войны
Настоящее и будущее евразийской интеграции

Главная тема
Миф, утопия и реальность pluriversума
В отличие от мифа с его иррациональными установками, утопия - это продукт умственного труда. Мифы побуждают к борьбе, тогда как утопия направлена к реформам. Миф невозможно опровергнуть, так как он тождествен убеждениям данной группы и нерационален на части. Утопия может обсуждаться и отвергаться. [ПОДРОБНЕЕ..](#)

Геополитика №15 | Геополитика №14 | Геополитика №13 | Геополитика №12 | Геополитика №11 | Геополитика №10 | Левифан №4 | Левифан №3

Данный ресурс является русскоязычным кластером международного сообщества за плюриверсальные ценности.

По выражению одного из идеологов концепции плюриверсализма Алена де Бенуа, плюриверсум — это такое человечество, которое давало бы гарантии сохранения политического, культурного и антропологического своеобразия на всей планете.

Либерализм как политическая модель, занявшая наиболее прочные позиции и через глобализацию проводящая нивелировку и гомогенизацию (как политическую, так и культурную) всех народов и стран, но, в то же время, показавшая свою несостоятельность, должен быть отвергнут, деконструирован и похоронен на свалке истории.

Сторонниками плюриверсализма могут быть представители самых разных идей, политических учений, религий и мировоззрений, которых объединяет неприятие неолиберализма в любых его формах и проявлениях.

Инструментом сопротивления неолиберализму является метаполитика, которая связывает и объединяет культурные, эстетические, политические, социальные, религиозные, коммуникационные и др. проекты в единую платформу.

К соучастию в данном преекте приглашаются авторы, переводчики, промоутеры и равнодушные люди.

Геополитика.
Информационно-аналитическое издание.
Выпуск XXXV, 2014. — 96 стр.

© — авторы.

Адрес редакции:

121087, Москва, Багратионовский проезд,
дом 7, корп. 20 “В”, офис 405.

тел. (495) 514 65 16

факс (495) 926 68 11

Geopolitika.ru@gmail.com

www.geopolitika.ru

Подписано в печать 3 декабря 2014 г.

Тираж 100 экз.